

СВЕТСЛОВ

КНИЖНЫЕ ДЕТИ

Светослов
Книжные дети

«Издательские решения»

Светослов

Книжные дети / Светослов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901933-2

Некий крутой индивидуум осуществляет захват подсознания людей творческой элиты. Ему противостоит человек, умеющий создавать живые и действующие образы; он внедряет в матрицу параноидальной технократии неуязвимый код бессмертия, называя его «Живыми ключами», в результате чего прежние коды стираются, являя миру энергоинформационный поток новой реальности; и этим обусловлены события, потрясшие весь цивилизованный мир неслыханным вирусом амнезии, уничтожающим подсознательные клоны агрессии.

ISBN 978-5-44-901933-2

© Светослов
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
1. Пробуждение образов	7
2. Поезд сновидений	9
3. Стоянка Пересветова	12
4. «Гуманитарий»	15
5. Монстры богемы	23
5. Предприятие «Барс»	24
6. Импровизации судьбы	28
7. Активация «Доллара»	33
8. Взаимодействие времён	41
9. Секретная стратегия	46
10. Ковчег Провидения	48
11. Ветер свободы	51
12. Поэзия и редакция	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Книжные дети

Светослов

© Светослов, 2018

ISBN 978-5-4490-1933-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

© Светослов (Игорь Платонов), 1995—2017

ПРОЛОГ

На берегу пустынного моря, великого и грозного в открытой стихии, грубо и лобно высилась могучая скала, избитая неприкаянными ветрами. В основании этого детища природы каменоломно зиял узкий пролом, напоминавший вход в тоннель. К этой глухой расщелине в скале подошли три странных человека: двое – иноческого вида, в длинных белых хитонах, в сандалиях и с перевязями на челах, и третий – высокий, длинноволосый, с видом угрюмого странника босой аскет в одежде, похожей на грубую тунику. Вглядевшись попристальной, можно было заметить, что это был слегка пообросший щетиной худощавый парень с отрешённо-смирненным выражением лица под сенью глубокого, туманно-небесного взгляда. Именно ему было указано одним из сопровождавших на вход, ведущий в глубину грота. Парень покорно вошёл внутрь пролома, за ним последовали оба в хитонах... Коридор, дышавший прохладой камней, был довольно узкий и тёмный, но всё-таки откуда-то непостижимо проникал слабый призрачный свет, скорее напоминавший феерический отблеск луны, являвшейся неким туманным софитом этого стихийно мистериального театра. Все трое осторожно проследовали по таинственному каменному проходу и остановились возле небольшого отлогого возвышения, внезапно открывавшего пространный сумрак пещеры... Один из сопровождавших указал жестом руки на драматическую арену этого интроспективного капища, и парень молча взошёл по откосым выступам булыжных ступеней на печальный помост; затем плавно повернулся лицом к людям в хитонах и спокойно сел, поджав под себя ноги, на предназначенное ему место, представлявшее собой настил из хвороста с пообветшалыми листьями, ещё сохранившими пряный аромат. Он ни о чём не спрашивал сопровождавших его, интуитивно чувствуя предначертанное и зная, зачем он здесь... Также молча двое в белых одеждах покинули таинственный грот. В глубине пещеры было слышно лёгкое журчанье воды. Оставшись один, заключённый в пещеру странник ностальгически откинул голову, отяжелив сбившиеся в кольца волосы, и прикрыл глаза...

А в это время совсем неподалёку от него – вдоль угрюмого берега одичалого моря одиноко и вольно шла молодая смиренная странница в ветхом рубище с драматически блаженным взглядом инокини, босыми ступнями прокладывая путь в неведомое. И всё её трепетное существо, открытое ветру, являло собой тайну...

Возникновение этой загадочной пифии на диком скалистом побережье непостижимо вселяло жизнь в пустынный безмолвный мир. Каким-то образом это почувствовал парень в пещере. Он весь расслабился и полностью ушёл в себя...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Пробуждение образов

Человеческая цивилизация представляет собой синтез глобальных символов, определяя тем самым бездну познания. Достаточно посмотреть из иллюминатора авиалайнера на мегаполис, чтобы усвоить лабиринт Минотавра. А можно через знак «S.O.S!» Спасти Ось Света, постигнув тем самым бессмертие... На обшарпанной кирпичной стене одного из московских патриархальных домов среди сумбурных и неприглядных обозначений – «Вова дурак, а Петя – дебил», «Тхе Беатлез и «Дип Пуарпле», «Громи козлов!» и «Даёшь баксы!» было начертано: «Ваня + Маша = S.O.S!». Так что, не только нрав Макиавелли будоражит современного человека. Вообще, вся история нашей Цивилизации это, по сути, игра в бисер. Смотришь на кардиограмму человеческого сердца и понимаешь суть кармы; глядишь на тюльпаны и видишь застывшее пламя цветов. А вечная улыбка музыки в белых клавишах? Можно многое почерпнуть в мире образов нашей реальности. И даже в абсурде бывает пьянящая логика, – так, через «Чёрный квадрат» Малевича можно незамедлительно постигнуть идею трансформы и, минуя депрессию с идиотизмом, переплавить шок в силу, дабы начать путь Знания. В наших взглядах волнуется море прозрения. Окна мира в броне не нуждаются. Но куда ведут рельсы – эти нервы дорог? Из груди рвётся гул, – это шквал напряжения. И вот, отражение сердца – в схеме московского метрополитена. Слышите, как пульсирует кровь по артериям? Да, это чрево движения. И везде звучит музыка... А кто не помнит увлекательнейшую детскую игру в классики? Наступил на черту – вышел из игры. Стало быть, не переступай грань дозволенного и укладываясь в данную структуру, продвигайся по иерархии, но знай меру; резвись, но корректно. Но... любят, однако, переступать её, грань эту, да ещё норовят из игры не выйти. Но вот Рим всё ширил свой нор, всё углублялся в познания плоти, а потом стал плотоядным до неприщитаемости и рухнул под чарами собственной массы. Но как ни крути, а всё, что ни делается – к лучшему. Разве стал бы Навуходоносор вегетарианцем, не потеряй он рассудок? Так что и в гóре есть промысел. А дух Любви всё витает над миром... Надо сказать, что город Москва является одной из ключевых сил, материализующих чаяния мятущейся души. Каковы ставки в аукционе Судьбы? Для кого – лабиринт Минотавра, для кого – фавор Провидения. Ах, Москва, патриархальнейший центр искусства и промысла, синтез души и товара, сплав идеала и моды. Дай сердцу прозрения, вдохни милости... Мы выходим за грани реального и там, – в краю фантастических грёз и живых сновидений, в мире чистой любви с её безграничной и истинной верой в безупречный путь Света, в той сокровенной, несокрушимой и всепроникающей зоне Второго внимания обретаем живую свободу для того, чтоб вернуть её миру брони и формата; и в этом скоординированном прагматизме, где всё просчитано до мелочей, где каждый имеет быт, но не всякий умеет быть, а шансы – по курсу, и даже радость имеет свойство жала, мы, одичав от шаблонно-бульварного меркантилизма с его взаимовыгодным панибратством и кухонной фанаберией, бросаем в ноги этому миру плоды познания, чтоб не погасли они в сердцах, уставших от маеты и одиночества... Вы видели, как плаваются души? Они превращаются в свет. А свет просит музыки. И она не заставляет себя ждать. Как смычок ложится на струны таинственной скрипки, на мир сошла осень. И запел он, заветрился в листопадах и лепетах, опьяняя бродяг и влюблённых, выжигая из дум синдром хаоса, вселенским аккордом пронизав душу и выявив её тайный диагноз: горечь. И горечь эта проступила сквозь камни неугасающим криком, полным жажды любви... И наполнялся воздух туманом и трепетом, напоминая миру о преображении, и торжественно всплакивали звонницы, и вздымался игривый ветер, колыбеля гул колокольный по осенней округе... Москва жила своей суматошной

привычной жизнью. Великий город на семи холмах, окутанный бархатом осени, погружался в лавину дел, пестрея суетой уличных толп и круговоротом дорожного транспорта, сверкая иномарками, рекламными витражами, переплетаясь бесконечными проспектами, бульварами, переулками и задворками, где взъерошенные гуляки задумчиво освежаются пивом и бесцеремонные голуби вышагивают по безхозному грунту в поисках случайного пропитания. Словом, жизнь продолжалась, всё шло своим ходом, мир, не утративший своего предназначения, благоволил усталым прохожим, пленительно обволакивая их мечтами и чаяньями. И никому невдомёк было, что уже пробудились порталы Земли...

2. Поезд сновидений

Не было печали и в поезде, спешившем в жемчужину Черноморья – город Сочи. В одном из купе сидели двое парней визави и вели разговор под вино. Судя по всему, они были друзьями. Один – лет тридцати с небольшим, коренастый, стильно постриженный, с бесшабашным взглядом и манерами вертопраха весело разливал по стаканам красное вино. Напротив него сидел худошавый интеллеktуал богемного вида с длинными вьющимися волосами и с бродяжьей лазурью в отрешённо-задумчивом взгляде. Он был постарше приятеля, хотя это едва ли ощущалось. За окном было уже темно, и эта темень томно ютила феерический закут комфортабельного салона купе, резко очерчивая грань между обжитым и неведомым. А поезд шёл с приличной скоростью и как-то странно – не то летел, не то нёсся по-над пропастью. И за окном ничего не было видно, – тьма кромешная...

– Ну что, Ванёк, рванём за удачу? – произнёс весельчак, разливавший вино, и поднял стакан.

– Давай, Мишель, – ответил приятель напротив и тоже взял свой стакан.

Они залпом выпили, смачно выдохнули и продолжили разговор.

– Эх, хорошо, – крикнул Мишель. Он откусил яблоко и, жуя, продолжил:

– А на море ещё лучше...

– Да, сто лет в Сочах не был, – задумчиво произнёс тот, что был Ваней. – Хорошо там сейчас, бархатный сезон, море ласковое...

Он встряхнул свои длинные, сбившиеся в локоны волосы и, окатив приятеля бродяжьей лазурью усталых глаз, мечтательно добавил:

– В это время года всегда хорошо и спокойно...

Мишель покончил с яблоком и озорно поддержал тему Ивана, мягко огладив свою короткоостриженную голову:

– Во-во, – в отелях – номера свободные, – сезон кончается; а можно и в частном секторе «тормознуться». По приезду расслабимся... Я сразу взойду на плаху любви с «туманной леди опального нрава»... Как там в стихах у тебя?

Иван улыбнулся и чуть отрешённо произнёс:

– Опальная леди туманного нрава

Искала любви в одичалой весне...

– Класс! Вот – с «опальной леди туманного нрава» сойдусь в замыканье... так, чтоб дым пошёл, – с азартом продолжил Мишель.

– Смотри не стори.

– Не сгорю. У меня подпитка трансцендентальная, как ты выражаешься.

Мишель тут же разлил по стаканам оставшееся вино и посмотрел на друга. Но в этот момент нечто заставило их обоих резко повернуться, и слегка оцепенеть: внезапно дверь купе плавно отъехала, и в проёме возникла неотразимая леди в шикарном вечернем платье и изящных туфлях на высоком каблуке. В правой руке она держала массивный канделябр с пылающей свечой, невинно озаряя свой карнавалльно-мистический облик с чарующим взглядом и ладным челом в пленении узкой диадемы, отиснувшей бисером волны волос, а пальцы её украшали дивные перстни. Она, словно вышедшая из фильма Феллини, грациозно вплыла в глубину купе, наполнив его букетом благоухания, и невозмутимо поставила канделябр с горящей лампадкой на столик, сверкнув ослепительными серьгами и невинно опустив завесы бархатных ресниц; затем овеяла интригующим взором замерших пассажиров и с томной таинственностью произнесла:

– Мало ли – освещение отключат...

Загадочная гостья развернулась в торжестве пленительно изваянного тела и так же изящно вышла, плавно затворив за собой дверь...

Друзья ошарашенно смотрели ей вслед; затем уставились друг на друга...

Оцепенелый Мишель с изумлением выдохнул:

– Вот это да...

– Вот тебе и леди, – добавил Ваня.

«А с чего это вдруг в поезде освещение должно отключиться?..» – пронеслось в голове Ивана.

– Да, странный поезд, – вымолвил Мишель.

– Это точно, – очень странный, – поддержал Иван. – Летим – не летим, едем – не едем...

– Катимся, – иронично заключил Мишель. В его голове вдруг всё перемешалось, мысли напоздали друг на друга: «Вот это леди... Откуда она взялась? За окном – темень, хоть глаз выколи... Причём тут свеча вообще? Да, у неё фигура – что надо... Бред какой-то...»

Он вдруг вслух выпалил:

– А причем тут свеча вообще?

– А чтоб мы не отключились, – спонтанно ответил Иван. – В жизни всякое бывает...

Мишель задумался. Он мечтательно заговорил:

– Да, вот это красавица... Надо будет с ней познакомиться...

– Да, что-то в ней есть, – неоднозначно вымолвил Иван.

– И откуда она взялась такая? – вымолвил Мишель.

Иван глянул на друга и со вздохом произнёс:

– Время покажет, откуда...

Мишель продолжал молчать, неподвижно глядя куда-то в пространство... Иван взял стакан с вином и успокоительно произнёс:

– Ладно, Мишель; давай допьём да будем укладываться.

– Да, давай, – спохватился Мишель.

Они чокнулись стаканами и медленно допили вино... И привиделось им вдруг, что за окном несущегося во тьме поезда кто-то смотрит на них невесомо и пристально... Иван потрянул головой, видение исчезло. Он посмотрел на друга, – тот изучал взгляд Ивана...

– Ты ничего не видел? – напряжённо спросил Мишель.

– Видел... Как-будто глаза чьи-то, – ответил Иван.

– И я то же самое видел... Ну и дела, – протянул Мишель.

– Это от усталости.

– Да. Спать надо ложиться. Утро мудренее, – как можно спокойнее добавил Мишель и быстро откинул своё одеяло.

Они уложились по своим спальным местам и ещё некоторое время разговаривали.

– Как одновременно у двух человек может возникнуть одно видение? – озабоченно спросил Мишель.

– Ну, если они друзья, то почему бы и не возникнуть? – рассудительно ответил Иван. – И потом – если мы оба увидели это, значит, оно истинно, – реальность объективна. Не так ли?

– Да. Ты прав...

Мишель расслабился на своей полке, вытянув ноги, и, зевнув, добавил:

– Хорошо в поезде... Никто не кантует...

– Да, едешь себе и мечтаешь, – с умиротворением продолжил Иван. – Как приедем, я сразу в море кинусь, – истосковался... В детстве часто ездил, – с родителями. Интересно всё было... Помню, раз чуть не захлебнулся с перепугу, – плавать не умел, малой был. Потом научился.

– А я в воде родился, – отозвался приятель. – Серьёзно. Мать тяжела была, – боялась, что не разродится; родные пошли к священнику, ну, он и подсказал, что нужно делать, – к святым

источникам послал – на месте взорванной церкви. Они оттуда воды привезли, мать в ванну с этой водой окунули, – я и родился...

– Удивительно, – восхищённо произнёс Иван. – Я где-то слышал об этих родниках...

Между тем, поезд колыбелило в одичалом движении, и друзья незаметно уснули, озаряемые пламенем странной лампы...

3. Стоянка Пересветова

Иван проснулся от света, упрямо бившего в лицо рассеянным лучом. Он встал, стряхнул с себя сон, глянул в окно. Занималось утро... Одев джинсы и кожаную куртку на голое тело, Иван вышел из вагона. Он потрянул головой, разметав сбившиеся в локоны волосы, и вдохнул утренней прохлады, блаженно прикрыв глаза... Воздух бархатной осени нежил и успокаивал... Иван вдруг встрепенулся, резко выдохнул и произнёс:

– Да. Чудеса...

А внутренний голос вторил: «То ли ещё будет...»

Иван окинул взором пустырь, заплывший облачным маревом, посмотрел на свой вагон... Этот вагон, стратегически вклиненный в полупустынную глушь с берёзами и мусорной свалкой, служил Ивану жилищем. Вагон находился как бы в закуте небольшой рощицы, с одной стороны от которой виднелись жилые дома, с другой – высилась насыпь с «крепостью» гаражей, а сзади деревья уходили в отлогий овраг, заросший бурьяном. Прямо перед вагоном простирался небольшой угрюмый пустырь, уходивший в устье разбитой дороги. Он вполне мог бы служить вертолётной площадкой или детским футбольным полем с тенью для отдыха. Вагон врос колёсами в дикий грунт, хранивший дух тоски и свободы. Неподалёку дымилась свалка, куда постоянно что-то выбрасывали живущие поблизости люди. Но был у этого «очага» один постоянный зритель, который периодически появлялся здесь и воршил хаотичную грудку хлама, как правило, находя в ней какую-нибудь утварь и сжигая ненужный мусор. Так что, огонь здесь почти не угасал.

Иван задумчиво посмотрел на дымившую свалку, беззвучно шевеля губами, как бы что-то нащёптывая, видимо ещё не отойдя ото сна, затем опять направил взгляд в туманный пустырь, застыв отрешённым хранителем этого околотка свободы...

Внезапный шум движущейся машины заставил Ивана напрячься... Из глубины марева мягко выплыл чёрный «Мерседес» и остановился в нескольких метрах от Ивана. Из «Мерседеса» вышли трое внушительных людей: двое спортивно-крутого вида, в слаксах и кожанках, и третий – в солидном костюме, со статью рантье, в изящном «поляроиде» и с проседью в висках, – судя по всему, их главный. Этот уважаемый с седыми висками небрежно ослабил галстук, сверкнув массивной печаткой, и с бесцеремонностью мафиози обратился к Ивану:

– Ну что, философ, решил уйти в расход? Или одумался?.. «Бабло» приготовил?..

Иван смотрел как бы сквозь него, отрешённо и сумрачно.

– Где ж его взять, – с ироничным спокойствием ответил он.

– Меня это не колышет; буксуешь тут на нашей территории – плати аренду. Иначе спалим, – бесцеремонно и властно продолжил мачо в «поляроиде». Все трое подошли почти вплотную к Ивану.

Иван вздохнул и, молча повернувшись, направился к двери вагона...

Тут один из «кожаных» – бандитообразный верзила выкрикнул:

– Э! Ты чо, нюх потерял?! Я тебя враз вылечу!

Он резко подскочил к Ивану и, перехватив его за шею, приставил к горлу пистолет...

– «Лютый», оставь его. Он мне живой нужен, – спокойно произнёс главный.

«Лютый» отпустил Ивана, убрал пистолет, нервно крутанул головой и процедил, напрягая желваки:

– Живой, неживой... Фил-лософ...

– Драгоценнейший, – глумливо добавил третий хардмэн, до этого молчавший.

Главный внимательно посмотрел на Ивана, словно пытаясь в нём узреть что-то новое, и с деликатным издевательством произнёс:

– В общем, Пересветов, готовься к переезду... Тем более – ничего твоего здесь нет...

– А я всё своё ношу в себе.

– Да ладно, ты тоже вон, – в коже ходишь, – иронично отметил полярный мачо, акцентируя взгляд на затёртой кожанке Ивана.

– Все мы в коже ходим, – внезапно парировал Иван.

«Лютый» тут же напрягся:

– Ты не хама, философ; а то урою. А патлы мы тебе урежем...

– Как знать, – задумчиво ответил Иван.

«Лютый» в ярости рванул было к Ивану, но его тут же остановил предводитель, схватив за руку:

– Остынь, «Лютый», – разговор не окончен...

«Лютый» сплюнул и выругался, бросив злобный взгляд на Ивана.

Мачо в «поляроиде» опять спокойно и властно обратился к Ивану:

– Короче, Иван, я даю тебе три дня на обдумывание ситуации и выплату арендного долга. Ты меня понимаешь... Не образумишься – пеняй на себя... Всё.

Главный сделал приятелям жест рукой. Все трое сели в «Мерседес»; мачо устроился рядом с водителем, который тут же включил зажигание. А севший сзади агрессор по кличке «Лютый», что пугал Ивана пистолетом, выкрикнул Ивану из окошка машины:

– А я тебе подскажу, где «бабло» взять! Ты тёлочка найми, – они тебе вмиг всё окупят!.. Давай, думай, философ!

Водитель заржал и добавил:

– А нас будут бесплатно обслуживать! Шурки-мурки!

«Мерседес» мягко тронул с места, выхлестнув комья вязкого грунта из-под протекторов, и плавно исчез в утренней дымке...

Иван присел на подножку родного вагона, достал сигарету и, щёлкнув зажигалкой, смачно затянулся. Похоже, его совершенно не трогал этот инцидент с наглыми визитёрами и думал он совсем о другом... Неподальёку щебетали птицы. Иван выпустил облако дыма, задумчиво глядя вдаль... Он вдруг услышал знакомый голос:

– Что, Ваня, опять наезжали?..

– Да, – отозвался Иван.

Возле свалки стоял мужик в кирзовых сапогах и телогрейке с какой-то жезлоподобной жердьё в руке. Он, видимо, явился тайным свидетелем происшедшего, незаметно появившись в тылу Ивановой обители.

– Может, пугануть их? А? – спросил мужик, доставая папиросу из мятой пачки.

– Да ладно, пускай порезвятся, – лениво ответил Иван, продолжая дымить.

Между тем, мужик этот был серьёзен и целенаправлен в своём тоне и взгляде, выдававшим суровый уклад неприкаянной добродетели. Отпечаток стихийного существования сквозил во всём его неприступно-бродяжьем виде. Он сбил своим посохом налипшую грязь с кирзовых сапог и принялся орудовать им в свалке...

Иван провёл ладонью по щетине, затем устроился поудобней на подножке вагона и погрузился в свои размышления:

«Кто я?.. Бродячий поэт Иван Пересветов, живущий в вагоне на отшибе... „Философ“, не имеющий ничего в этом мире... Бывший опальный... Собственно, почему бывший? Закончил журфак, а что толку... Наскитался, хлебнул танталовых мук... И всё – ради чего? Куска хлеба? Бред. Да. Прилёт из Сибири был крут... Москва... Друзья, подруги... богема, эйфория... Опубликовали... Вот и началось... Гонка без финиша... И полный туман с беспределом... Пора кончать со всем этим... Теперь-то до меня никому нет дела... А может и есть... Ещё эта мафия бредовая... Когда же, наконец, будет просвет во всей этой давке?.. Однако, этот Венский – тот ещё „фрукт“. „Полярный“ нацепил. На подсознание работает... Штурмовой субъект. Таранит задом терновник... Надо бы посмотреть, что написал вчера... Да, странное

сновидение было нынче... И очень притягательное, волшебное... А какая гостья вошла, просто богиня какая-то... Что бы это всё значило? Надо бы проштудировать это всё повнимательней...»

Иван выбросил истлевший окурок и вздохнул.

Между тем, мужик с посохом уже что-то оприходовал в свалке.

Он крикнул Ивану:

– Ваня, ну давай, я пошёл, – дел много. Смотри, если что – знаешь, где я.

– Давай, Палыч! Счастливо...

Сказав это, Иван посмотрел вслед уходящему «антиквару» Палычу и подумал: «И не лень ему в такую рань здесь что-то выискивать?» Затем он перевёл взгляд на восток, где рубин выплавлялся в золото. Вовсю щебетали птицы, славя покой околотка державного края. Иван встал с подножки и зашёл в вагон...

4. «Гуманитарий»

Тем временем чёрный «Мерседес» с тремя визитёрами Ивана подкатил к мощной бетонной ограде, на которой кто-то написал мелом: «Стоять! Опасно для жизни!» и въехал через открытые широкие ворота, над которыми крупно чеканилось: «Добро пожаловать!» на территорию неоднозначной и очень прогрессивной структуры. Проехав вдоль небольшой площадки, аккуратно огazonенной и ухоженной, машина остановилась возле мощнопанельного здания с победоносным фасадом и отлогими ступенями перед парадным входом, над которым светилась внушительных габаритов интрегующе-помпезная вывеска:

«Культурно-оздоровительный центр ГУМАНИТАРИЙ», а возле дверей монументально стоял элегантный зачарованный манекен, украшенный крупным квадратом картона с алой надписью: «S.O.S!».

В «Мерседесе» уважаемый мафиози обратился к своим компаньонам:

– Ну давайте, пересаживайтесь в «BMW» – и на службу. Завтра утром я вас жду.

– Да, сейчас пересаживаем, – оживлённо ответил тот, что сидел за рулём.

– И обслужим кого нужно, – с усмешкой добавил верзила, сидевший сзади. Он тут же обратился к водителю со странным вопросом:

– «Шнырь», у тебя сколько чисел по Гринвичу на сегодняшний выход?

– У меня – не сверяясь можно пройти Гавайи, – ответил «Шнырь», непринуждённо постукивая пальцами по рулю «Мерседеса».

– Окей, – с удовлетворением бросил «Лютый».

Главный, усмехнувшись, открыл дверцу машины и иронично вымолвил:

– Ладно, пошли, конспираторы...

– Идём, – ответил «Шнырь», выключив двигатель.

Все трое вышли из «Мерседеса». «Шнырь» закрыл «Мерседес», кивнул «Лютому», и они пошли к автомобилю «BMW», стоявшему неподалёку – с торца здания. А главный направился к парадному входу «Гуманитария».

– С недосыпанием пора заканчивать, – сам себе говорил предводитель, лениво поднимаясь по ступенькам парадной.

Он вошёл в прохладный холл, дышавший безмолвием ожидания...

– Как жизнь, Ируня? – игриво спросил главный ажурную девицу, сидевшую за дежурным столом с телефоном и кучей прессы.

– Ой, здравствуйте, Всеволод Илларионович! – спохватилась Ируня, оторвавшись от ярко иллюстрированного журнала.

– А чего дверь входная открыта? Администратор уже здесь что ли? – спросил Всеволод Илларионович.

– Да, Инесса Петровна уже пришла... У нас всё в порядке. Происшествий нет, – доложила дежурная Ируня.

– Оно хорошо, что нет, – на ходу бросил главный и двинулся дальше по холлу.

«Служба настроения», представлявшая собой двух безупречно-гламурных моделей в «мини», которые грациозно стояли у входа в зал Центра, артистично и вольно расставив точёные ноги, приняли указание главного:

– Вы свободны. До вечера.

Обе девушки, облегчённо вздохнув, поспешили к выходу...

А предводитель скрылся в глубине коридора...

Поднявшись на третий этаж, он подошёл к солидной двери с табличкой:

«ВЕНСКИЙ ВСЕВОЛОД ИЛЛАРИОНОВИЧ».

Предводитель открыл ключом дверь и зашёл в кабинет, защёлкнув дверной замок...

Этот уважаемый мачообразный визитёр Ивана, как вы уже догадались, и являлся директором данного заведения, и звали его, конечно же, Всеволод Илларионович Венский. Это был солидный муж элегантно-валяжной внешности и аристократических манер. Он был интеллигентен и в то же время парадоксально непредсказуем, вся его интригующая личность магически скрывала в себе некую тайну. В официальных приветствиях он был Всеволод Илларионович, для знакомых – Сева Венский, и лишь избранные звали его «Батя». Венский, по сути, являлся «крёстным отцом» возглавляемого им Центра.

Надо сказать, что это был один из престижнейших культурно-оздоровительных центров столицы. Отличительным статусом «Гуманитария» было то, что клиентами его являлись в основном люди элитного контингента: продюсеры, бизнесмены, режиссёры, актёры, литераторы, психологи, творческие индивидуумы, «жрицы досуга», «акулы» сервиса, различные деятели искусства и прочие корифеи многонациональной богемы. Словом, Центр этот блистал своим генофондом. И пребывали клиенты в нём преимущественно лишь с вечера до утра; потом они разъезжались по своим рабочим и служебным местам, фирмам и предприятиям, а после работы вновь прибывали в Центр, где принимали необходимые процедуры, получали развлечения и всё остальное, что предписывал реестр этого уникального заведения, которое имело всё необходимое для поправки здоровья, досуга и отдыха. Здесь были и видеосалоны, и бар с рестораном, и танцпол, и кинозал, и бильярдная, и шикарная сауна, и отдельный бассейн, и всевозможные игровые системы, в том числе и виртуальный салон. Одним словом – «high life», шик и оттяжка, – полный сервис. Минимум персонала, максимум удовольствия. Стоявший возле парадного входа зачарованный манекен с наброшенным на шею несусветным постером «S.O.S!» невольно высвечивал специфику структуры, которую он представлял. Хотя, если вдуматься, имел он и более глубокий смысл, храня в нерушимой иронии застывший крик жизни...

А в «Гуманитарии» жизнь кипела и рвалась наружу. В одном из престижных «люксов», – просторной комнате, мастерски отделанной красным деревом вперемежку с причудливыми резными фигурами в масках, стоявшими в нишах, с шикарным паласом, меблированными кроватями, массивными светильниками, видеоаппаратурой и прочим гостиничным антуражем, обогащавшим этот загадочный «номер», стоял гул. Азарт речей диссонировал в разноголосье, не вмещаясь в параметры этого просторного помещения.

На кроватях сидели пробудившиеся люди в утренних одеждах и шумно балагурили, рассуждали, спорили, смеялись, потешали друг друга в предвкушении свободы. Тут же перед ними стояли передвижные сервировочные столики с лёгким завтраком – каждый на две персоны. Эти люди периодически прикладывались к своей утренней трапезе, смакуя горячий кофе и опять витийствуя. Если разделить их хаотичные речи, то можно было услышать следующее:

– Иду я как-то со съёмок... Чую нутром что-то неладное, – потешал своего коллегу, киношника – круглолицего кутилу с острым взглядом оператора богемновидный балагур, сидевший в ближнем углу. – Гляжу – из подворотни выезжает на коне батька Махно – в папахе и с шашкой наголо... Я обомлел весь, а он ко мне подплывает на скакуне своём и спрашивает: «Ты Бонч-Бруевича не видал?..» А я отвечаю: «Не видел никого; какой к лешему Бонч-Бруевич, знать не знаю такого!..» Ну, он матюгнулся и исчез в тумане. Иду я дальше... Вдруг, из закоулка выходит Кржижановский и спрашивает меня в упор: «Ты Махно не видал?..» Я отвечаю: «Какой Махно? Вы что, с ума посходили? Время – двенадцать ночи!..» Он на меня посмотрел пристально, изучил всего, сплюнул и дальше двинул... Ну, я, значит, быстрее ходу – домой; надоело всё... Вдруг – у подъезда моего – князь Мышкин – в рубище и с кинокамерой, смотрит на меня душераздирающе и спокойно так говорит: «Не бойся, мы кино снимаем, – „Новый Армагеддон“ называется. Ты у нас в эпизоде вышел. Иди домой. Мир да любовь тебе...» Ну, думаю, дела... Шасть в подъезд, подымаюсь по лестнице впотьмах, подхожу к квартире своей... А около двери – Ирод Антипа стоит с боеголовкой... И палец ко

рту приставил: «Тсс... Тихо. Сейчас тут Чингиз-Хан появится...» Я ему шепчу: «Вы ошалели! У себя дома своё кино снимайте. Я от своих съёмок устал, а тут – вы, да ещё с боеголовками!..» Он тихонько в сторону отошёл и подал знак кому-то... Вдруг как рванёт!.. Я очухиваюсь под столом на кухне... Меня жена поднимает и говорит: «Макс, ты если видак смотришь, так хоть не думай ни о чём...»

Сидевший рядом приятель хохотал и возбуждённо поддерживал тему своего соратника: – Ну, Макс, уморил. Да, здорово... И всё-таки, по большому счёту, это всё – эклектика. Вот мне как-то привиделся Казанова... Шикарно одет, импозантен, весь в перстнях, – светский лев, одним словом. Ну, я, конечно же, спрашиваю его: «Милейший, как Вам удаётся стольких дам ублажать в столь короткое время? Откуда силы такие?..» Он с достоинством смотрит на меня и отвечает: «Это они меня ублажают, а не я их. Я – просто маг в этой области. Конечно, женщины – моя слабость, но не это главное. Суть в том, насколько они нуждаются во мне... Я никого не принуждаю к своей опеке. И вот Вам доказательство – Мария Стюарт собственной персоной. Она отвергла престол и стала моей княгиней сердца...» И тут – Мария Стюарт возникла передо мной, – ни дать, ни взять. Вот так раз... Вдруг, что-то оборвалось во мне, я глаза открываю – лежу, как уснул, – на своей кровати. А передо мной – всё тот же Казанова стоит... и улыбается, – загадочно и глумливо так, а рядом, разумеется, эта Мария Стюарт... будь они неладны...

– Вот так номер... – растерянно вымолвил Макс.

– Да ты не дослушал, – с азартом продолжил Лёва. – Я у Казановы, значит, спрашиваю: «Как жизнь, Джако?» А он отвечает: «Ништяк. Скорость сбавь, – сейчас в город въезжаем...» А сзади – Валюша моя мне кричит: «Лёвчик, ты что, уснул?!» Тут я окончательно врубаюсь! Сажу за рулём – из аэропорта едем, – супругу встречал. Ну, разумеется, взмок я весь от напряжения такого, скорость – на минимум, и косяка даю – вправо... Смотрю – а у кореша моего Витька в руках – журнал «Искусство кино», а с обложки глядит Казанова, – напыщенный весь, куртуазный, грим – как масло; и весь – так и ослабил...

– Во ты дал! – воскликнул Макс. – Завидую... Но ничего. За мной не постоит...

Рядом обсуждали свои дела заправилы автосервиса:

– Я тут «Опель» надыбал на сдачу. Оторвёмся...

Коля Ключевой, надывавший «Опель» на сдачу, с озорным огоньком в глазах изучал реакцию друга на эту новость... Его друг – Лёня Железнов вдруг весь встрепенулся, его лицо озарило предчувствие этого самого «отрыва», и он выдохнул в тихом экстазе:

– Атас!..

В другом углу ироничный фигляр с пронизательным взглядом актёра беспардонно вызывал на разговор своего сотрапезника – отрешённого интеллектуала солидных манер:

– Аркадий, поговори со мной... Не молчи так... Я ж – не Бельмондо, а ты – не архиепископ. Чего нам делить-то?.. Ну видел я вчера твою Зинку у пивнухи. Ну и что? Что, бабе пива не хочется? Это ж не водка, много не выпьешь.

Аркадий внимательно смотрел на собеседника, абсолютно понимая его актёрскую выходку, и, принимая эту игру как некую разминку мозгов, так же актёрски, с назиданием отвечал:

– Савелий, ты не прав. Пиво тут ни причём. И если бы даже Зина захотела пива, (о, Боже!) она бы ни в какую пивнуху не пошла. «Ин вина нот веритас», – нет истины в вине, есть истина вины... Здесь психологический момент. Чуешь, Савелий?.. Я – двенадцать лет на кафедре и два университета за спиной. Наверное, знаю, что такое дисгармония имманентных аналитических гиперпротраций...

– Ну, ты загнул, Аркаша...

– Гнут слесаря; а я лишь учу, – резонно ответил Аркадий и продолжил пить кофе.

На соседней кровати человек средних лет с одутловатым лицом озабоченно сообщал своему коллеге – скептику усталого вида с напряжённо-нервным взглядом литератора:

– Сначала пивка рванём, а потом – в редакцию. У меня новые рукописи появились...

Коллега в ответ тяжело вздыхал и делился с приятелем своими проблемами:

– От этих рукописей меня уже тошнит. Тут надо основной материал готовить, а они со своими идеями лезут. Рукописей – гора; скоро Сизифом стану. Ладно бы ещё что-то стбящее было, а то ведь всякая чушь собачья; и как только такое в голову придёт: «...золото ломает стальные двери...» – кошмар...

– Так это же Апулей...

– Что – Апулей?

– Ну – «золото ломает стальные двери» – это у Апулея сказано.

– Да? Странно... Надо будет перечитать... Башка трещит. Нужно срочно освежиться.

Рядом два беззаботных весельчака играли в карты, попутно смакуя кофе. Партия как-то быстро закончилась, и тот, что выиграл, – плотный эпикуреец в изящных очках и с проседью в голове артистично обратился к своему проигравшему компаньону:

– Ваше последнее слово, господин проигравший!

Проигравший в ответ стал выкрикивать с заядлым азартом:

– Я – не Македонский! Ура! Я – Крюков!.. Да здравствует Вольнов – великий светоч нашей культуры и бизнеса!

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге возникла обаятельная женщина лет тридцати пяти – администратор мужского сектора. Она с тактичностью патронессы обратилась к разгулявшимся балагурам:

– Доброе утро!.. Что тут у вас происходит? Наведите порядок. Сейчас Всеволод Илларионович придёт.

Тут выигравший картёжник, – «светоч культуры и бизнеса» с бесцеремонностью гаера обратился к патронессе:

– Инесса Петровна, прошу вас к нам – на партию в покер!

– Алексей Иванович, вы же взрослый человек... – с вежливой укоризной произнесла Инесса Петровна, глядя на седовласого балагура в очках.

И тут появился главный, – Всеволод Илларионович Венский, предводитель и благодетель, слуга и хозяин, босс и наставник, мудрило и мачо. Он появился тихо, мягко и чутко, возник из тягучего утра, как тень из тумана, и встал неизбежно и властно... Окинув «полярноидным» взглядом сектор отдыха, Венский сухо произнёс:

– Что это тут у вас за балаган?

Алексей Иванович, предлагавший Инессе Петровне партию в покер, тут же произнёс, глядя на главного:

– Какие люди к нам явились! Я вижу, это неспроста...

Венский задержал свой глубинный взгляд на седовласом ветрогоне в изящных очках и театрально изрёк:

– А вы, Вольнов, перестаньте тут из себя Мюнхгаузена ломать. Здесь вам не цирк.

Вольнов, невозмутимо глянув на Венского, неоднозначно ответил:

– А мы вот в конце квартала бабло подобиём, – там и посмотрим, кто Мюнхгаузен, а кто – Калиостро... Я, кстати, сейчас в банк еду. На вас кредит оформить, Всеволод Илларионович?

И он шутовски подмигнул «предводителю».

– Я какнибудь без ваших услуг обойдусь, уважаемый, – иронично парировал Венский.

– Ой ли... Да неужели? – играючи спросил Вольнов, буравя туманными линзами предводителя.

Венский, дабы не выдать конфуза, сменил тему и тут же перевёл разговор на других:

– Так, отдых закончен. До вечера. И навести порядок. Да, – чуть не забыл, сегодня будет «тренажный допинг» и бассейн. Желающие могут пройти «антистресс». Всё.

Подойдя к окну, главный проводил взглядом автомобиль «BMW», отъезжавший с территории Центра. Венский задумался. И было, над чем...

Тут балагур Макс весело провозгласил:

– По такому случаю не мешало бы повторить двойной кофе с сэндвичем!

– Да, Инесса Петровна, будьте любезны, – и нам тоже – такой же двойной, – с изысканной вежливостью поддержал его Вольнов.

– Сейчас сделаем, – ответила Инесса Петровна.

Она достала свой мобильный телефон и, набрав номер, произнесла:

– Лола, будь любезна – нам в первый мужской сектор повтор: кофе и сэндвичи, – на всех.

А в женском секторе отдыха тоже было не скучно. Этот комфортабельный «дрим-салон» представлял собой уютную просторную комнату, стилизованную под Барокко, с шикарными кроватями и трельяжами по углам; пол был устлан мягким паласом, а на стенах высились массивные светильники-канделябры.

Сервировочные столики с опорожнённой посудой были сдвинуты в сторону. Бодрствующие затворницы уже покончили с завтраком и предавались безмятежным разговорам и веселящим каламбурам. Одна из этих очаровательниц – молодая экстравагантно-пленительная особа с большими интригующими глазами и манерами актрисы завершала свой утренний туалет перед трельяжем и непринуждённо лепетала:

– Как хочется быть упрямой и вольной... И любимой...

– Кто ж не даёт? Будь, – весело поддерживала её подруга – солидная мадам с непрошибаемым взглядом и стильной причёской, заглаживая свой макияж.

– Сегодня у меня – киносъёмка, вот я и отличусь... – продолжала актриса, разметав по плечам волны дивных волос.

– Только не отлети... – иронично вторила подруга.

– Не отлечу. Голова – на месте. И с конституцией всё в порядке, – продолжала собеседница, распахивая халат и глядя на себя в зеркало. – А всё остальное приложится...

– Приложится и умножится, – поддерживала напарница.

– Кем я была в благом порыве, когда ты в душу мне вошёл... – лепетала актриса перед зеркалом, то прищуривая, то расширяя свои пленительные глаза.

– Больше трепета в голосе, – глубже, чтоб душа звенела, – наставляла её патронесса, оправляя своё шикарное платье. – Чтоб дрожь пошла по всем суставам!.. И озарилось всё вокруг... Во!.. Ты же Светлана, – ты светиться должна!

– Жанна, ну я же ещё – в неглиже, – игриво оправдывалась актриса Светлана.

– Ничего Светик, скоро мы им всем нос утрём, – подбадривала её Жанна.

– Неоспоримо, как возглас Кассандры, – заключила Светлана.

Их разговор смешивался с голосами подруг.

– Люся, и как ты умудряешься так успевать? – протяжно говорила остроносая типажная особа с короткой стрижкой и интеллектуально-озабоченным взглядом.

– Главное, Викуля, – волю к жизни иметь, как учат великие, – отвечала ей Люся – вольноглазая обворожительная шатенка в роскошном длинном халате, с изяществом приводя в порядок свой маникюр. – А жизнь требует жертвы. Вот я и жертвую... Ну а специфика работы – у каждого своя. А коли назвался груздем – так и полезай в кузовок. И нечего пенять на судьбу.

– Да, красиво жить не запретишь... И как ты не устаёшь... по несколько человек за день... – растерянно говорила Викуля.

– Ох... – вздохнула Люся. – Сама не знаю... Вот ты на своём телевидении сколько человек «обрабатываешь»?

– Ну, ты сравнила. Это же телевидение, официальная структура. И потём...

– И потём – необходимо знать, что завтра придёт оно!

– Что оно?

– Счастье! – заключила Люся, посмотрев в глаза Викуле, и убрала маникюрную пилку.

На соседней кровати две трепетные подруги допивали кофе и делились своими проблемами и чаяниями. Одна другую успокаивала:

– Да не переживай ты, Любушка. Всё образумится – образуется. Это я тебе как экстрасенс говорю.

– Да что там, – отчаянно отвечала ей Любушка. – Я же знаю себе цену... Эх, Лиличка, мы всё долдоним о высоких материях, а настоящего – живого не замечаем... Да я могу Дездемону без слов сыграть. Могу на голове стоять. Я пять лет в балете отработала. У меня пластика – будь здоров. Смотри!..

И она продемонстрировала в эксцентричном скольжении своей пластичной руки плавное и вольное движение крыла. Создавалось впечатление, что рука не имеет кости...

– Да... Здрóрово, – восхищенно промолвила Лиля, медитативно глядя на виртуозную руку статистики.

Тут вмешалась сидевшая перед трельяжем актриса Светлана, азартно выпалив:

– Так; по-моему, все уже в форме, все подогрелись. Сейчас «Клиникович» придёт – мы ему интермедию закатим!..

В её глазах вспыхнули озорные искры. Она весело встала, сделала лёгкий оборот вокруг себя и приняла позу Фемиды... Все заплодировали, что было заслуженно.

– С тобой не соскучишься! – воскликнула повеселевшая статистка Люба.

И тут раздался стук в дверь...

Светлана, стоявшая всё в той же державной позе, властно произнесла:

– Войдите!

Дверь осторожно открылась, и на пороге возник приземистый невзрачный мужчина средних лет в очках, коротко постриженный, с отличительным знаком «Ж.С.О.» на лацкане пиджака, этакий «хомяк-ботаник» с программой системного соглядатая. Это был патрон и куратор женского сектора – Аристарх Наумович Сланцев. Он прикрыл за собой дверь, несколько замаявшись, поправил очки и хотел было что-то сказать, но его опередила актриса, стоявшая напротив. Не меняя своей неприступной позы, она изящным движением сбросила с себя халат и вдруг вся преобразилась: драматически глядя в очки Аристарху, она возвышенно заголосила:

– О, мой Орфей! Как мрачен этот мир!..

Я призраком над пропастью стою...

Приди ж ко мне, свободной озарённый!

Пробей тоску глаголами любви!..

Я гасну без тебя в холодной драме...

Возлюбленный, не дай погибнуть мне!..

По мере причитания она, воздев длани, почти вплотную приблизилась к Наумычу, затем привстала на цыпочки, манерно раскинув руки, и тут же прижалась всем своим обнажённым телом к остолбеневшему куратору женского сектора, жеманно заключив его в объятия и ностальгически закатив глаза.

– Стеклова, прекрати этот фарс, – сконфуженно произнёс Аристарх Наумович.

Светлана резко отшатнулась от него:

– Фу, как скушно. Я дух Полония здесь чую... Нет, вы – не Орфей; вы – Казимир Клиникович. И вообще, не бывайте вам в Афинах...

Она быстро набросила на себя халат и, перетянувшись поясом, приняла теперь образ Немезиды.

С её уст слетела тирада:

– Глаголь, что хочешь ты,
отвергнутый свободой!
О, плоти раб,
скитанья – твой удел...
Твоя приплод-натура —
всегда немого рода;
Прими ж награду —
в давке чёрствых тел!..»

Аристарх Наумович пришёл в полное замешательство. Он стоял как в воду опущенный. И тут он решил выкрутиться из своего дурацкого и шаткого положения и пойти на попятную, дабы, снискав благоволение в лице восставшего матриархата, найти общий язык с прекрасным полом; и он заискивающе вымолвил:

– Прекрасные стихи... Это кто? Шекспир?..

– Это Пересветов, – с достоинством ответила актриса Светлана.

– Такого не знаю... – растерянно протянул сконфуженный палатосмотритель.

– Не мудрено, он – только для избранных... – продолжила актриса.

– Да, Стеклова, ты в форме, – снова попытался войти в контакт Наумыч, слегка замаявшись; и вдруг ни с того ни с сего выпалил:

– А у меня вот телевизор сломался, дак я и заскучал... С вами весело, однако...

– То ли ещё будет... – вмешалась подруга Светланы – Жанна.

– Жанна... – хотел было что-то сказать ей куратор.

– Я – не Жанна. Я – Иоанна Лаевская! – чеканно перебила его Лаевская.

– Ах, да... Иоанна Лаевская... У Вас на очереди – кабинет видеопроцедур... – болезненно произнёс Наумыч. Он понуро посмотрел на Лаевскую и вздохнул.

– Не дразните Везувий, милейший! – резко парировала Лаевская. – Я, продюсер кинопроекта глобального масштаба, должна забивать свою драгоценнейшую подкорку вашим видеохламом?! Завтра же он сгорит, этот ваш проклятый кабинет!

– Ой, Лаевская, не накликай беды, – суматошно заговорил Наумыч. – Не хочешь – не ходи, дело твоё. Только сама главному скажешь, чтоб тебя с регламента сняли.

– Что?!

– А то, что у нас Центр не только развлекательный, но еще и оздоровительный... Благотворительный фонд – это не «фигли-мигли». Поди – найди ещё такой, чтоб бесплатно в рабочий режим вводили... да ещё по новейшим технологиям... Ну ладно, я пошёл. Всем принять витамины – и до вечера. Сегодня – «антистресс» и бассейн.

И тут женщины обступили палатосмотрителя. Они наперебой заядло затараторили, глумливо лапаясь к Аристарху и входя в раж:

– Аристархушка, родненький, а ты за меня прими обе дозы, что тебе стоит, – ты железный у нас, непрошибаемый.

– И за меня!

– Постой, побудь ещё немного в родном кругу!

– Стоять, Наумыч!

– К ноге, Казимирыч!

– Наумыч, блин, дай обнять тебя такого крутого!

– Ох, Казимирыч...

– Наумыч, а ну стоять, маслосед!!

Бедный Наумыч вырвался из женского оцепления и нырнул в открытую на ходу дверь, надолго исчезнув из виду... Повеселевшие жрицы богемы облегчённо вздохнули. Они начали спешно собираться, виртуозно натягивая колготки и вживаясь в житейский образ... В шуршании одежд сыпались фразы:

– Ох, шас што-то будет...

– Прошвырнёмся по Тверской...

– Наконец-то жизнь началась!

– Да, крутяк выдали Наумычу... Жаль, сбежал...

– Эх, хорошо быть вольной!..

Заинтригованная Люся, одевшись, присела рядом со Светланой Стекловой и заворожённо спросила:

– Свет, а эти стихи, что ты читала... Откуда они?..

Светлана посмотрела на неё с некоторым удивлением:

– Это Иван Пересветов, – я говорила. Тебе понравились?

– Да... Что-то в них есть... Я не знаю, как это выразить... Душу переворачивает... И сразу в сердце проходит... Странно... А этот Пересветов – кто он такой?

– Он поэт. Из андеграунда. Его рукописи по рукам ходят. Правда, когда-то его публиковали, а потём... Не знаю, что там произошло... Я тебе принесу что-нибудь из его стихов, если тебе интересно...

– Принеси, Светик.

– Хорошо, Люси. Сегодня вечером.

Светлана встала и принялась перебирать содержимое своей сумочки.

А Люся всё сидела на кровати и с отрешённым видом медленно выговаривала фразу, пылавшую в её голове:

– Прими ж награду... в давке чёрствых тел...

5. Монстры богемы

Запад ценит надёжность, Восток – традиции, Россия – свободу. И эта свобода порой потрясает, а подчас вдохновляет. На свободе – клиенты «Гуманитария». Ну как тут не вдохновиться?

Отночевавшие «монстры» богемы покидали свой чуткий палладиум грёз, шумно хлопая дверью и нежась в лучах животворного утра...

Алексей Вольнов задержался возле манекена с плакатом SOS! на груди, стоявшего у парадной; он ласково погладил его по голове, чуть обшарпанной сверху, и надел на неё свою шляпу. Улыбнувшись, Вольнов с удовлетворением произнёс:

– Ну вот, теперь и тебе обнова. А то стоишь, как маргинал облопошенный. Чуешь? Красота во всём должна быть... Ну ладно, не скучай.

Глядя на всё это, Крюков – напарник Вольнова рассмеялся и оценил манекена:

– Классно! Он как родился в этой шляпе.

И тут перед Вольновым облавно возникла актриса Светлана Стеклова. Она застыла перед ним и, бесцеремонно глядя ему в глаза, иронично и чувственно спросила:

– О, мой Антоний, где твой дар заморский?..

– Та я же ж Обломов; всэкла? Чи шо трэба? – шутовски с украинским говором парировал Вольнов.

Но Светлана не растерялась:

– Ну як же ж у вас усэ Обломовщина да Обломовщина, в ентим городи женщин, ишчуших старость. Хоть у нырвану отлэтай. Скукотишча.

Все вокруг взорвались хохотом. А Светлана Стеклова невозмутимо взяла под руку свою патронессу – Лаевскую, и манерно пошла вниз по ступенькам.

– Будь ты хоть Обломов, хоть Заломов. А я – актриса с гениальным уклоном, и мне по баяну понты и апломбы, – на ходу вымолвила Стеклова.

Ах, Светлана Стеклова! В её дивной натуре сквозил некий шарм экзотики, доступной, наверное, только ей. Но весь нонсенс этой экспрессивно-экстравагантной природы заключался в её умении перевоплощаться в немыслимых ситуациях. Так, например, однажды, пытаюсь проникнуть в престижнейший ресторан «Савой» с глумливой вывеской «мест нет», Светлана разыграла авантюрно-щемящую сцену, экспромтом войдя в роль француженки, только что прибывшей из Парижа, с головокружительными рекомендациями и отзывами о фешенебельном, театрализованном и уютном ресторане «Савой», блистающем изысканнейшими винами и закусками, а также респектабельной публикой, приходящей в сие элитное заведение не затем, чтобы окунуться в пьяное забытьё, а дабы с настроением возвыситься над пошлой кухонной пирушкой и проникнуться светлыми этюдами Моцарта и Вивальди, обогащёнными виртуозной пластикой актёров в бальных нарядах эпохи Просвещения, тонизируя себя благородным шампанским и, имея на согрев души дымящееся жаркое и кофе по-восточному с отменным коньяком... Сопровождая свою французскую речь некоторыми русскими оборотами и акцентированными жестами, Светлана просто эпатировала человека в ливрее, вскружив ему голову не только всем этим драматизмом исконного фарса, но и своим обезоруживающим интригующим взором, дурманящим душу до дна, а аромат «Шанель» и вовсе добил швейцара, завершив это действие трансэротическим кадансом, после чего экстравагантная гостя была приглашена в волшебно светящийся зал ресторана, усажена за отдельный столик и незамедлительно обслужена со всем размахом гостеприимства. Москве не нужно лишних слов. Дайте ей взгляда, дайте ей страсти...

5. Предприятие «Барс»

Но ближе к делу. В то время как завсегдатаи Центра «Гуманитарий» разъезжались по своим фирмам и предприятиям, в одной из автономных стратегических структур Москвы, а именно – в муниципальном охранном предприятии «Барс» всё уже было в полном рабочем режиме. В фешенебельном помещении, оснащённом новейшей аппаратурой, за пультом связи непринужденно сидели двое людей в спецодежде охранников, – те самые, что курсировали с боссом Венским в чёрном «Мерседесе». Поглядывая в мониторы, они обменивались короткими фразами:

- Ну что, готов к труду и обороне?
- И днём и ночью.
- Это хорошо.
- Хорошо бы – без казусов сегодня было...

Тут раздался мелодичный сигнал. Один из охранников включил клавишу на пульте связи и лаконично произнёс:

- «Барс» на связи...

Из аппарата донёсся заискивающий мужской голос:

- Алё! Скажите, а личную охрану вы обеспечиваете?

Охранник тут же по-деловому ответил:

- Разумеется. Расценки знаете?
- Конечно... Скажите, а на какой срок?
- Да хоть пожизненно. Подъезжайте, – и всё оформим.
- Спасибо! Я сейчас подъеду.

Охранник выключил связь и, улыбнувшись, взглянул на напарника. Тут же раздался ещё сигнал... Дежурный опять включил пульт:

- «Барс» на линии...

Из аппарата в дежурку ворвался драматический женский голос, срывающийся в плач:

- Алё! Помогите... пожалуйста, срочно...
- Что случилось? – напрягся охранник.
- Моего мужа в заложники взяли... Бандиты какие-то... Они на квартире; а он не выйдет, пока деньги не заплатит... Он позвонил и сказал...

- Сколько?
- Две тысячи долларов... Они могут убить его...

В аппарате раздался её плач.

- Да вы успокойтесь, – произнёс охранник. – Адрес скажите...
- Чей? Мой?

– Ваш мы уже знаем. У нас компьютер на это есть. Нам нужен тот адрес – где ваш муж находится в заложниках.

Охранник кивнул напарнику, тот быстро скоординировал на компьютере местонахождение звонящего абонента.

Женский голос растерянно ответил:

– Ой... А я не знаю... Постойте, у меня же телефон с определителем! Я номер записала; сейчас...

В это время на одном из мониторов возник бронированный автомобиль, подъехавший к служебным воротам. На пульте зажглась лампочка, и раздался голос:

- «Барс мобильный» – на въезде...

Второй охранник нажал клавишу и дал команду:

- Внешний пост, впустить «объект».

Раздался сигнал, ворота раскрылись, и броневик въехал на служебную территорию предприятия.

Тем временем первый охранник уже занёс принятые от женщины данные в компьютер и ответил:

– Будьте дома; мы сейчас выезжаем за Вашим супругом. Оплата – по факту. Всё.

– Ой, спасибо вам огромное! – прозвучал ошастливленный женский голос.

Охранник отключил линию и тут же врубил внутреннюю связь:

– «Барон», готовь группу захвата, – на Анадырском заложника вызволять... Кувалду прихватите, – для дверей, и пушку с автогеном, на всякий случай.

Он отключил связь, взял чистый бланк и что-то отметил на нём...

Тут опять раздался сигнал на пульте. Второй охранник включил связь:

– «Барс» на связи.

– Скажите, а вы долги «вышибаете»? – осторожно прозвучал на том конце глуховато-вкрадчивый тенор.

– Нет. Вы не по адресу, – ответил охранник и отключил связь.

В это время в дежурку зашёл «Барон», – плечистый боец в камуфляже; первый охранник быстро вручил ему бланк:

– Вот адрес и всё остальное...

«Барон» убрал бланк с данными в карман и невозмутимо произнёс:

– Окей. Сейчас разберёмся.

– Сильно там не шумите, – с улыбкой напутствовал первый охранник.

– Как получится, – ответил «Барон». – Лишь бы стены не рухнули.

И они рассмеялись.

Тут раздался голоса, и в «дежурке» появились вооружённые люди в камуфляже. Один из них посмотрел на «Барона» и бодро произнёс:

– Мы готовы. Заводи «тачку».

«Барон» в ответ кивнул и напоследок добавил:

– Ну, мы поехали.

– Ни пуха! – сказал охранник и сделал напутственный жест, рычагнув кулаком.

Группа захвата покинула дежурное помещение.

Охранники удовлетворённо вздохнули и продолжили разговор, делясь своими соображениями.

– Ну вот, начало положено, – произнёс «Шнырь», являвшийся первым охранником.

– Да... И что за дебилы свои телефоны «засвечивают»; сейчас мозги им и вправят, по полной программе, – с сарказмом добавил второй охранник – «Лютый».

– Дак они ж хотели две штуки баксов; а на лоха и зверь бежит, – с развязной весёлостью высказался «Шнырь». Оба рассмеялись.

Они устроились поудобней в креслах, расслабились, закурили...

«Лютый» перевёл тему:

– Что-то Машка пропала куда-то...

– Да видать, на юга подалась... Если не заporоли... Прокололась, дура; говорили ей – давай вместе работать. Нет же... Свободы захотелось...

– Ещё меня этот вагонный философ раздражает... Строит из себя Сократа... Это ж надо – «Доллара» охмурил! Так тот теперь нас и знать не желает. Это надо же – из рэкета в писатели! Хэмингуэй доморощенный...

Сказав это, «Лютый» прищурился, словно хотел взять на мушку «вагонного философа» и доморощенного Хэмингуэя «Доллара».

– Ладно; посмотрим, что «Батя» решит, – успокоительно произнёс «Шнырь».

– Посмотрим, – протянул «Лютый», неподвижно и напряжённо глядя в пространство.

«Шнырь» откинулся на спинку кресла. Он по-свойски бросил «Лютому»:

– Не парься. Всё будет ништяк.

«Лютый», болезненно усмехнувшись, посмотрел на «Шныря» и начал нервно постукивать пальцами по столу. Он вдруг неоднозначно высказался:

– Фильтруй ситуацию, браток... И не обольщайся...

Он затянулся сигаретой и продолжил:

– А с «Философом» я всё-таки разберусь...

– Вот дался тебе этот «Философ», – с усмешкой отреагировал «Шнырь». – Как будто других проблем нет.

«Лютый», растянувшись в кресле, как-то странно произнёс:

– Эх, кабы не «Малина», был бы я спокоен...

Он вдруг стал нервным:

– Она ж блин должна всем нам! И слиняла куда-то, стерва!

– Это понятно, – ответил «Шнырь». – Ну а «Философ» -то здесь причём?

– «Философ» -то? А просто когда-нибудь подвернётся мне под горячую руку, – мало не покажется, урою так, что геологи не найдут... Зря с ним «Батя» церемонится – «Пересветов, готовься к переезду...» Блин... Нужно сразу на место всех ставить! В рог дать, чтоб навек запомнил! И вообще, все бараны должны быть в стаде! И чтоб не дёргались!

«Шнырь» успокоительно отмахнулся:

– Всё это нервы, Васёк.

– Да... Нервы... И стервы...

«Лютый» докурил и задумался...

Эти два приятеля, будучи внутренне взаимосвязаны, внешне не имели ничего общего. Они, скорее, взаимно дополняли друг друга. Обоим было давно за тридцать, и кипела в них жизнь. Валерий Пименов, получивший прозвище «Шнырь» за свою находчивость и изобретательность в житейских перепетях, имел необычайную особенность – вливаться в разговор и быть на виду в нужное время, когда этого требовала ситуация. Он был чрезвычайно пластичен и обходителен в кругу вышестоящих, а также малоизвестных лиц. «Шнырь» находил выход из любого тупика. Его ныряющий пронизательный взгляд видел то, чего не замечали другие. В Муниципальную охрану Пименов попал благодаря своей исключительной жизненной неугасимости. Вообще, Валерий Пименов тяготел к блатарям-ухарям, героям-шварценеггерам, а проще говоря, к сильной личности, что и предопределило его знакомство с Бутовым – «Лютым». Но также Пименов испытывал и сострадание к обездоленным и униженным, проявляя при этом внимание и чуткость, необходимые в его сложной профессии; хотя это было лишь показной гранью его гибкой натуры. Во всех этих уникальных качествах Валерий Пименов был просто необходим Всеволоду Илларионовичу Венскому.

Что касается агрессора по кличке «Лютый», – то это был обыкновенный профессиональный бандит. Ему незачем было рассуждать о гармонии души и тела, о жертве и милости; он не ведал, зачем пел Высоцкий и кто сжёг Гоморру, человеческие стремления и мытарства для «Лютого» были однозначны. На службе он был Бутов, для ближних – Василий, для всех остальных – «Лютый». В былые годы он промышлял разбоем в лёгком аспекте, не выдававшим его как заядлого гангстера, подрабатывая на частном бизнесе. Но как ни крути, а стабильность дороже, и «Барс» принял в свои ряды достойного охранника. Нужно отдать должное Бутову по кличке, несколько оправдывавшей его натуру. Физически он был сложен безупречно, это был атлет от рождения, и удар его был сокрушителен. Кроме того, Бутов постоянно поддерживал свою спортивную форму. Его литая фигура и скуластое лицо с надменно-бескомпромиссным взглядом внушали надёжность. Глядя на него, коллеги подобострастно подшучивали: «Не имей сто друзей, а имей одного Шварценеггера...» Как и «Шнырь», – «Лютый» никому ни словом не высказывался о своих делах, связанных с Венским. И вообще, менталитет их струк-

туры был синтезирован филигранно: директор интеллектуально-гуманитарного учреждения с мощным бизнес-потенциалом, муниципальная охрана, «отмывщики» в ювелирном, поставщики незаменимого товара, и незримая сеть теневых связей. А пока существует сеть, – существуют контроль и отбор. И отбор призывает быть чутким. Эта чуткость вела и хранила навигаторов тайной сети, так привыкшей блистать наяву...

6. Импровизации судьбы

Между тем, события дня развивались весьма оживлённо и виртуозно. В одном из солидных московских автосервисов шла полным ходом работа по ремонту и обновлению иномарок. В тылу предприятия, – неподалёку от задних ворот стояли двое работников этого сервиса: Лёня Железнов и Коля Ключевой. Они решили слегка проветриться, а заодно решить нечто экстренно важное, потому как оба они смотрели в сторону задних ворот, явно кого-то поджидая...

Не прерывая своего наблюдения, Николай резюмировал:

– Хорошо, что помыли, – товарный вид, сам понимаешь...

– Само собой, – ответил Леонид.

– Но главное – всё пашет, всё – как с нуля, – с удовлетворением подытожил Николай.

Наконец, во дворе автосервиса появился плотный мужчина солидных манер в плаще и кашне. Он не спеша осмотрелся и, увидев Железнова с Ключевым, с улыбкой кивнул.

Коля Ключевой быстро подошёл к нему и спросил:

– Ну что, берём? Все нормально?

– Да, конечно. А где машина?

– А вот – рядом, – ответил Ключевой, указующим жестом напутствуя прибывшего клиента.

Все трое прошли в сторону цеха и свернули к торцу предприятия. Увидев блестящий респектабельный «Опель», шикарный клиент широко и взволнованно улыбнулся:

– Хороша... Хороша...

– Садитесь, – предложил Николай, открыв левую переднюю дверцу «Опеля».

Клиент сел за руль, Николай – рядом, а Леонид – сзади. Покупатель достал из внутреннего кармана тугую денежную упаковку и вручил её Николаю:

– Здесь ровно.

– Спасибо, – ответил Ключевой, убирая деньги в карман.

Он с тихой радостью посмотрел на нового владельца «Опеля» и со знанием дела добавил:

– Всё – в норме; бак полный. Можете ездить. Все документы – вот здесь.

И он указал на пакет документов, закреплённый на верхней панели. Затем улыбнулся покупателю и заключил:

– Если что – созвонимся.

– Конечно. Спасибо, – ответил клиент, взволнованно глядя то на Ключевого, то на панель приборов.

– Ну, мы пошли. Счастливо! – сказал Николай, открывая дверцу.

– Счастливо! Я здесь проеду? – спросил клиент, окинув взглядом тыл предприятия.

– Конечно, – ответил Ключевой.

Они пожали друг другу руки. Николай с Леонидом вышли из машины, а «Опель» плавно вырулил к задним воротам автосервиса и исчез за пределами предприятия.

Ключевой с Железновым проводили взглядами отправленный «Опель», весело переглянулись и обменялись своими чуткими предвкушениями:

– Ну что, Лёня, воздадим должное нашим трудам!

– Ударим автодосугом по ханжеству и обывательству! – с пылом ответил Лёня Железнов, пребывающий в лёгкой эйфории от удачной сделки.

– Обязательно. Моя сегодня вроде как гостей «намывает»... Можно расширить сервис...

Коля многозначительно глянул на Лёню.

– Нужно! И наладить гармонию отношений, – продолжил Лёня.

– Но без негативных последствий...

– Не бойсь, в трансмиссию не ляжем.

– Надо бы «бабки» пересчитать, – заключил Николай, хлопнув по своему объёмному грудному карману.

– А «Опель» -то хоть «чистый»? – вдруг озабоченно спросил Леонид.

– Обижаешь. Заказчик на сдачу пригнал. Двадцать процентов – наши. Так что не переживай. Оторвёмся...

– А покупатель? – опять напрягся Леонид.

– Что покупатель? – не понял Николай.

– Что-то как-то быстро он уехал, – не проверил толком ничего, раз – и всё... – растерянно продолжал Лёня.

– Так у нас с ним – договор: если в течение недели что-то выходит из строя, то я за свой счёт всё новое ставлю. Так что здесь лажа исключена. Всё должно быть на уровне.

Сказав всё это, Николай Ключевой с достоинством посмотрел на Леонида, а потом – куда-то вверх, в небо, словно ища подтверждения свыше...

– Да, круто, – заключил Леонид, глядя в пространство. – Из тебя выйдет настоящий топ-менеджер по продаже бэушных тачек.

Внезапно сзади них раздался громкий командный голос:

– Железнов! Ключевой! Ну где вы пропали?!

У распахнутых дверей цеха стоял директор – солидный мужчина в костюме и галстуке.

– Сейчас идём, Борисыч! – бодро отозвался Железнов.

Друзья направились в цех, попутно предвкушая дальнейшие мероприятия...

Эти два душевных парня были друзьями. Хотя, быть может, это громко сказано. Во всяком случае, приятелями «неразлей-вода» они были точно. И были они разные по натуре своей и мироощущению, – тому тончайшему инструменту души человеческой, тому сенсорному индикатору, что отделяет пыл от горячки, различая дар и приманку, и, тем самым, предопределяет судьбу. Леонид был, скорее, мечтателем, таким беззаботным кутилой жизни, вертопрахом страстей своих и желаний, порой туманных и непредсказуемых, исходящих из некоей глубинной обособленности его загадочно-чуткой натуры, ни на кого не похожей и никому не обязанной. Это был тип личности, глубоко чувствующей и ранимой, той вольной тайны, что сохраняет себя за внешней бесшабашностью и дворовым компанейством. Николай же был человеком более консервативным и практичным. Автосервис являлся для него источником дохода, а «Гуманитарий» – центром отдыха и досуга. Он не вдавался в детальный расклад тех мотивов, что строят судьбу и слагаются в гимн или в прозу. Николай Ключевой просто любил жизнь во всей её красе и силе, и ничего не жалел для сохранения в себе этой отрады. Это был однолюб и односторонний с тем нерушимым эго, которое цементирует прагматизм; и вся эта законстеленная односторонность его мировосприятия, по всей видимости, и притягивала его к Леониду, который был внутренне многогранным и гибким.

Итак, Железнов с Ключевым, вдохновлённые новым подспорьем, с головой окунулись в родную работу. Крутой автосервис гудел и наращивал мощь оборота...

А в это время Алексей Иванович Вольнов уже выходил из банка, что на Стремянном, где он произвёл некоторые операции, известные лишь ему одному. Он прошёл к своей машине «Вольво», стоявшей неподалёку – возле бордюра, сел рядом с водителем и удовлетворённо произнёс:

– Ну вот, процесс пошёл. Теперь всё в потоке.

– Едем? – спросил водитель.

– Да; двигай, Серёга, – ответил Вольнов и вдруг почему-то заговорил стихами:

– Дорога поёт

И народу не спится;

А в сердце поёт

Синекрылая птица...

Повеселевший Крюков нажал на газ; автомобиль «Вольво» мягко вписался в дорожную трассу. Некоторое время они ехали молча, поглощённые своими размышлениями, но что-то заставило их выйти из дум и безмолвных фантазий. Внезапное скопление машин, создающих дорожную «пробку», заставило Крюкова притормозить... Вольнов обратил взор вправо и увидел возле ампириной арки мощнопанельного дома большое скопление людей и оцепление, которое пытались преодолеть особо любопытные. Вооружённые люди в униформе корректно и непреклонно отстраняли назойливых прохожих...

– Что это там за нашествие? – удивлённо спросил Вольнов, глядя на столпотворение возле арки.

– Да у нас что ни день – то нашествие, – отозвался Крюков с иронией, поглядывая то вправо, то вперёд – на дорогу, заполненную автотранспортом. – Ещё эта «пробка» дурацкая...

Наконец, движение выровнялось, дорога стала более свободной, и Крюков прибавил скорости.

– Ну вот и рассосались... Обормоты. Понапокупали машин, а ездить не научились, – добродушно ворчал Вольнов, глядя в лобовое стекло.

– Надо на вертолёте летать, – пошутил Крюков.

– Это точно, – подтвердил Вольнов. Он вдруг оживился:

– Слушай, Серёга, давай в какой-нибудь кабак заедем, – поуютней, чтоб кухня хорошая была, – подзаправиться надо...

– В «Славянский базар» можно...

– Точно. Поехали! – произнёс Вольнов, сглотнув слюну.

И Крюков взял курс на «Славянский базар»...

Если бы Вольнов с Крюковым остановили машину возле арки с оцеплением, вышли и просочились бы сквозь столпотворение вглубь этой ампириной арки, разверзающей простор патриархального двора, то они бы явились свидетелями следующего.

В глубине этого просторного таинственного двора, слегка затуманенного щемящим осенним маревом, возвышался какой-то деревянный помост, – не то сцена, не то плаха. На помосте, в самом центре его, стояла дивной красоты пифия, облачённая в грубое рубище. Она была боса и неподвижна, потому как верёвки, туго перехваченные поверх рубища, крепко держали её привязанной к деревянному столбу вдоль спины...

В нескольких метрах от неё волновалась группа людей, и над всеми возвышался оператор с кинокамерой. Рядом с ним находился режиссёр Макс, который давал ему короткие указания:

– Лёвчик, делай на «автопилоте», – по полной программе; потом что не нужно – отрежем. Погода благоприятствует.

Он, улыбаясь, смотрел то на Лёву, то на пифию в рубище.

– Макс, да не лечи, знаю, что делаю. Всё будет так, как велит нам Фортуна, – отвечал оператор Лёва, невозмутимо налаживая камеру.

Тут же напряжённо прохаживалась, дымя сигаретой, Иоанна Лаевская. Она взглядом и мимикой подбадривала актрису на сценической плахе, которая неизбежно входила в роль... Конечно же, это была Светлана Стеклова.

Рядом с помостом стоял массивный чан с водой, тут же лежала какая-то ветошь, возле неё дыбилась куча хвороста, а сзади помоста громоздилась бутафорская статуя Немезиды. С обеих сторон от съёмочной площадки высились мощные софиты, лившие яркий свет на суровую сцену. Чуть поодаль столпились зеваки; замерев и боясь шелохнуться, они заворожённо глядели на это интригующее действо... Стоявший рядом с Лаевской человек богемного вида вполголоса спросил:

– А почему решили снимать во дворе? Вроде эпоха-то совсем другая по сюжету...

– Это ты у режиссёра спроси, его идея, – невозмутимо ответила Лаевская. – Вообще-то он вроде как хотел стереть грани времён. Типа – прошлое повторяется, но в ином ракурсе, и что всё это не мешало бы круто изменить...

– А-а, – протянул богемновидный. Он вдруг изменился в лице и вымолвил:

– Гениально...

Они умолкли и направили свои взоры на плаху с пифией...

Наконец возле помоста появился угрюмый таинственный человек в длинной тёмной одежде с капюшоном; в руке он держал горящий факел...

Режиссёр взял рупор и громко в него произнёс:

– Внимание! Всем приготовиться!..

И в нависшей тишине прозвучало:

– Камера!..

И тут пространство двора и замерших сердец всколыхнул звонкий, удивительно светлый и потрясающе искренний голос пифии, стоявшей на плахе:

– Ну что же я могу одна,
Крича травой под сапогами?
Моя любимая страна,
Кого согреешь ты камнями?..

Я вижу сад, и в нём – родник;
О, как зеркален свет желанья!
В душе застыл священный крик;
И длится плен очарованья...

Человек с горящим факелом в руке беспардонно и грубо ей отвечал:

– Довольно трепетных словес!
По горло сыты вашей манной.
Прибереги их для Небес;
Сейчас ты будешь бездыханна...

Пифия неустрашимо продолжала:

– Я не боюсь тебя, сатрап;
Ты – раб сумы и биоробот.
Светилу дней смешон нахрап;
Ты пучишь рык, а слышен ропот.

Человек с факелом самодовольно и цинично восклицал:

– Наивна спесь таких вот пифий;
Где твой народ? Ты здесь одна!
Ты полыхнёшь, как Троя в мифе,
Испив истерики до дна!

Палач накинул свой капюшон и, подняв факел, направился к жертве...

И вдруг, откуда-то сбоку выскочил ребёнок, – паренёк лет шести; он ловко вскарабкался на помост и, встав впереди этой дивной Кассандры, отчаянно выкрикнул:

– Она не одна!..

Палач застыл перед плахой... И тут произошло нечто непредсказуемое. Из толпы разволновавшихся зевак яро выступила вперёд – наперерез экзекутору неотразимо дородная женщина с натруженными ручищами. Палач, глядя на неё, слегка оцепенел; а матрона эта, тараня его возмущённо-праведным взглядом, рванула на своей вязаной кофте пуговицу и вдруг разразилась гневной тирадой:

– А ну пошёл отсюда! Живоглот окаянный! Ишь, навязался, поджигатель хренов! Я те пожгу, злыдень! Давай-давай! Вали!

Экзекутор с факелом натурально обалдел... С отвисшей челюстью он вперил свои ошалелые глаза в эту поборницу справедливости, затем отпрянул назад и судорожно окунул горящий факел в объёмный чан с водой, огласив упоительным шипом пространство тревоги...

Встрепенувшийся режиссёр прокричал в рупор:

– Стоп! Тайм-аут!..

7. Активация «Доллара»

Иван Пересветов тем временем не спеша прогуливался по Тверской. Город распахивал музыку, и ветер взметал эти вольные звуки, дробившие томную негу пьянящего марева; и эта стихия осеннего шарма вовсю будоражила чувства и думы...

Дойдя до Большой Бронной, Иван остановился... Возле торговых палаток суетились люди. Кругом было шумно и весело. На углу мощнопанельного дома, сверкавшего помпой огромных витрин, громоздился лоток с кучей прессы, и бойкий парень, представлявший эту торговую точку, активно и громко рекламировал свой товар:

– Последние новости! Журнал «Время»! Sensация века! «Совершенно секретно»!.. Новые вестники! Гости из будущего! Еженедельник «Версия»!..

Иван подошёл к лотку с прессой и спросил у продавца:

– А журнал «Шанс» есть?..

– Нет. Ещё не поступал, – ответил продавец и продолжил рекламу своей прессы. К лотку подошли прохожие, они с интересом стали разглядывать журналы и газеты, рекламируемые продавцом. Тот резко переключился на них, предлагая непременно купить эту сенсационную прессу...

Иван, вздохнув, тоже бегло просмотрел ураганную прессу на лотке... а затем на мгновение замер, почувствовав на себе чей-то взгляд... Внезапный хлопок по плечу оправдал предчувствия Ивана; он обернулся и увидел перед собой своего приятеля Виктора, – парня атлетического телосложения с брутально-пронзительным взглядом.

– Ваня! Здорово! – радостно воскликнул Виктор.

– Привет, Витёк! – обрадовался Иван.

Они пожали друг другу руки и отошли в сторонку.

– Куда и откуда? – спросил Иван.

– Да всё оттуда же, – ответил Виктор. – Автодидактикой занимаюсь. А ты как?

– Нормально. Работаю потихоньку. Вышел вот прогуляться, да сюда забрёл, – думал, опубликуют. – Иван кивнул в сторону лотка с прессой. – Да видать, рано ещё...

– Опубликуют, никуда не денутся, – решительно произнёс Виктор. Он улыбнулся и продолжил:

– Ну что, Ванёк, пошли в кофейню какую-нибудь заскочим, или в бар попрличнее, поговорим спокойно.

– Это можно, конечно; но я – «на мели»...

– Зато я – в отвязке. Пошли. Угощаю по полной программе, – обнадёжил крутой приятель, увлекая Ивана вперёд по Тверской. Он на ходу продолжал:

– У меня сегодня «тачка» – на техосмотре, так что я пока безлошадный. Но ничего, – завтра прокатимся... Погода сегодня классическая.

– Да, – улыбнулся Иван. – Почти что мистическая...

– Ностальгически завораживающая...

– Всепроницающе веселящая, – бабье лето, – заключил Иван.

Пройдя с квартал, друзья свернули в небольшой бар под яркой рекламной вывеской.

В уютном затемнённом баре с феерическими подсветками они подошли к барменской стойке; Виктор тут же заказал кофе и бутерброды... Пока бармен заваривал кофе, друзья продолжили разговор.

– Может, по коньячку? – спросил Виктор.

– Нет, я не буду. Если хочешь – себе возьми, – ответил Иван.

– Нет. Я тогда тоже не буду, – солидарно отрезал Виктор.

– Интересно мы встретились. Как ты узнал, что я – на Тверской? – с улыбкой произнёс Иван.

– Интуиция.

– Молодец.

– Вообще, иногда приятно пройтись по знакомым местам, – продолжил Виктор. – Тем более что я сегодня без машины. А то засиделся дома уже.

– Так ты над чем сейчас работаешь? – как бы между делом поинтересовался Иван.

– Да задумал эссе писать... Авангардная штукавина намечается... А может это выльется в нечто большее... Но об этом – потём.

– Понятно.

Виктор задумался; затем произнёс:

– Слушай, мне нужно будет что-нибудь из твоих стихов отпечатанных. Есть идея...

– Да в любое время заезжай – выберем, что нужно. А хочешь – сейчас заедем, возьмёшь.

– Нет, сейчас не могу. Дела... Ещё надо кое к кому заехать...

Его взгляд на мгновение изменился, сверкнув тайной страстью.

– Понятно, – многозначительно бросил Иван, глядя на Виктора.

Тут до них дошёл аромат свежесваренного кофе; друзья отвлеклись от разговора. Бармен поставил две чашки кофе на блюдца, присовокупив к ним объёмные бутерброды с лоснящейся сёмгой в изящных блюдах и дипломатично спросил:

– Что-нибудь ещё?

– Пока – всё. Если что – повторим, – ответил Виктор, расплачиваясь с барменом.

Друзья взяли кофе с закуской и уселись за свободный столик.

Они попробовали кофе...

– Классный кофе, – произнёс Иван.

Виктор тоже сделал пару глотков...

– О да; гениально сварен! – поддержал Виктор.

– Круто, – улыбнулся Иван, глядя на Виктора.

– Ну как там у тебя? Вагон живой? Контора пишет? – с лёгкой иронией произнёс Виктор.

– Да вроде всё нормально пока. Вагон на месте. Работа едет...

– Венский не достаёт? – проницательно спросил Виктор, в упор глядя на Ивана.

– Ну как тебе сказать... Вообще-то сегодня наезжали... Но как приехали, так и уехали, – с меня что взять?

– Ну, козлы, я им устрою... Подожди, есть у меня одна идея...

– Витёк, не стоит напрягаться на пустое. Поверь мне, – всё идёт правильно... И я тебе сказал это не для того, чтобы ты принимал какие-то меры, а просто как другу. Я сам разберусь.

– Всё идёт правильно, говоришь? – слегка возмутился Виктор. – Да ты просто всего не знаешь... А если б знал, то так бы не говорил. Ты знаешь, что они вообще вытворяли, эти козлы? Они молодых девок налево продавали, те даже не знали, куда их увозят! Думали – за кордон фестивалить да призы получать, а их проститутками делали за бугром! Правильно идет, говоришь?! Венский сам лично занимался ликвидацией оппонентов и конкурентов, и при этом сам оставался в тени, – это факт, я лично знаком с ним и знаю всю их подноготную. И «Лютый» с «Ихтиологом» были его координаторами. Правильно идёт?! «Шнырь», урод, детей собирал безпризорных и их продавал залётным клиентам. А зачем, знаешь? Внутренние органы для имплантации... Правильно идёт?! Ваня, да ты и вправду ни хрена не врубаешься, что это за твари...

Возникла пауза. Виктор тяжело дышал, так его взволновала вся эта тема... Иван пребывал в оцепенении. Он был потрясён...

Наконец, Иван вздохнул и сказал:

– Я вообще-то догадывался обо всём этом... Точнее – кое-что видел... в медитации... Но ты мне очень ярко сейчас всё рассказал. Спасибо тебе, Витёк.

– Пожалуйста, – сухо ответил Виктор. – Могу ещё рассказать...

– Да не надо. Этого достаточно, чтобы видеть ещё глубже, – ответил Иван. – И ты успокойся, а то неадекватно будешь воспринимать реальность.

– Да, что-то я разошёлся, – нервы... – произнёс Виктор, слегка успокаиваясь.

– Им из своего потока всё-равно не выйти. А я в него входить не собираюсь, – продолжил Иван.

– Ты, как всегда, прав. Но я в любом случае им кислород перекрóю... А «Лютому» со «Шнырём» я «оформлю визу» в мир вечной свободы...

– Я думаю, она им уже «оформлена». Чего лишний раз напрягаться? – спокойно сказал Иван, пытаясь снять напряжение с Виктора.

– Я без напряга их «отчислю», – невозмутимо продолжил Виктор. Он глянул на Ивана и добавил для успокоения:

– Ладно; посмотрим, что дальше будет...

– Посмотрим, – согласился Иван и глотнул кофе.

Тут Виктор, что-то вспомнив, извлёк из кармана крупную денежную купюру и вручил её Ивану:

– Ваня, на – сразу, пока не забыл.

– Да ты чего? – сконфузился Иван.

– Бери, говорю. Давай-давай, – настаивал Виктор, затискивая купюру Ивану в руку. – Ты должен жить нормально, потому что таких людей как ты – мало, и их нужно беречь. Усвоил?

Иван, принял-таки деньги от Виктора и убрал их в карман, в тайне, конечно же, радуясь этому внезапному «гонорару». Он произнёс:

– Спасибо, Витёк; а то я уже в антиквариат собрался – серебро закладывать.

– Не надо ничего закладывать. Не зря меня «Долларом» прозвали, – ответил Виктор.

– Да. Просто так ничего не делается.

– Ну ладно, продолжим наш лёгкий завтрак...

И они принялись поглощать бутерброды, запивая их терпким напитком...

– Да, кофе – что надо, – выдохнул Иван.

Виктор опять спросил:

– Это точно... Может, всё-таки, по коньячку?

– Ну, если хочешь – себе возьми.

– Ладно, попозже, – урезонился Виктор.

Они опять принялись внедрять в себя кофеин.

– Ваня, а что ты думаешь по поводу игры в бисер? – вдруг спросил Виктор.

– А мы в неё всю жизнь играем, – спокойно ответил Иван. Он вдруг каким-то странным тоном произнёс:

– Загадай имя...

Иван в упор смотрел на Виктора...

– Загадал, – ответил Виктор, с лёгким недоумением.

– А теперь число загадай, – спокойно и беспристрастно произнёс Иван.

– Загадал, – всё так же недоумённо произнёс Виктор.

Возникла пауза... Иван весь как-то расслабился, отрешённо глядя куда-то сквозь Виктора... А затем он вдруг чётко произнёс:

– Число твоё – четыре, а имя – Анна.

– Как ты узнал?! – воскликнул потрясённый Виктор, ошалело глядя на Ивана.

– Просто освободил сознание – и в меня вошли твои данные. А потóм... У тебя в глазах любовь написана... Вот.

– Гениально... Ну, ты даёшь, – вымолвил Виктор в восхищении.

Иван продолжал:

– А теперь – по закону «игры» перенесём всё это в мир музыки. Ан-на... Вниз – вверх, падение – взлёт. Чуешь?.. Как ни переиначивай – будет одно и то же: Ан-на. Берёшь – отдаёшь. С обеих сторон – воздух, бесконечность, дыхание... А поскольку твоё число совпадает с этим именем и не ломает игры, то ты будешь неуязвим...

– Ну ничего себе... Да... Мощно... Надо бы мне с тобой почаще встречаться. Эйфория какая-то, – обескураженно проговорил Виктор.

Друзья допили кофе. И тут Иван вдруг застыл на месте, а затем, пристально глядя на Виктора, загадочно произнёс:

– Слышишь музыку?..

– Нет... – растерянно ответил Виктор.

– А ты прислушайся, – с тихим назиданием произнёс Иван.

Виктор замер, улавливая в сумбурной какофонии мира необходимые звуки той музыки, что утоляет душу гармонией... И вдруг он услышал сердце... Это билось его сердце в безмолвном безбрежии вечности. Биение это подымалось из груди, оглушало и растворялось где-то далеко – за пределами человеческих чувств... На некоторое время весь мир как бы исчез для Виктора. Он внезапно погрузился в эйфорию самопостижения. Перед ним поплыли события его жизни, слагающие судьбу, взыскующую и беспристрастную...

...«Крузер» «Доллара» остановился рядом с вагоном Ивана; из машины вышел одетый как денди Виктор по прозвищу «Доллар». Он направился к Ивану Пересветову, стоявшему возле вагона... Подойдя к Ивану, «Доллар» бесцеремонно высказался:

– Ну что, бродяга; съезжать пора, засиделся на старом месте.

– Хоть старое, да своё, – спокойно ответил Иван.

«Доллар» слегка возмутился такому наглому спокойствию:

– Ты не хами, философ; а то неровен час отлетишь в сферы фантазий, – навсегда... Я тебе ещё раз говорю: съезжай, а вагончик этот мы определим куда надо, – для нужных обществу целей.

Он смерил Ивана надменным взглядом и непринуждённо продолжил:

– В столице приютов хватает, так что давай, двигай, и чем быстрее – тем лучше. Не заставляй меня нервничать. Я в ярости нехороший...

Иван каким-то странным взглядом смотрел на Виктора; в этом взгляде раскрывалась вся глубина человеческих чувств, вся сокровенная радость жизни, ради которой живёт человек, постигая весь замысел этого мира, в который он заброшен волей Провидения и обречён на выживание и осознание своего величия или ничтожества... И этот его странный взгляд погрузил «Доллара» в транс, явившийся воспоминанием его далёкого детства, забытого им в суете оголтелого мира...

На берегу моря – по пляжу бежал маленький мальчик – Виктор; он бежал к своей маме, радостно восклицая:

– Мама! Я ещё одну ракушку нашёл!

– Молодец, сынок, – ответила счастливая мама.

– Мама, а ты мне купишь мороженое? – вдруг заискивающе спросил маленький Витя.

– Конечно, куплю, мой родной, – ответила мама. Она привлекла его к себе и обняла.

– Ура! Я всегда верил, что ты – самая лучшая мама на свете, – самозабвенно выпалил Виктор.

Мама на мгновение разомкнула объятия, – взглянуть на любимого сына; и он, счастливый, снова побежал к морю... Воспоминание рассеялось. А вслед за ним другое воспоминание всплыло реально и чётко...

Возле голубятни уже двенадцатилетний Виктор запускал ввысь голубя... Подошла мама.

Виктор посмотрел на неё и серьёзно спросил:

– Мама, а голубь это ведь символ мира?

– Да, сынок. Это символ мира и любви, – ответила мама.

И Виктор произнёс:

– Я никогда не буду ни с кем воевать. Я научусь миру... И людей научу...

– Ты умница мой, – ответила мама и нежно прижала к себе сына...

Воспоминания плавно растаяли. Реальность времени вернула «Доллара» в то место, где он стоял у вагона Ивана Пересветова. «Доллар» вздрогнул, медленно осмотрелся... Затем он посмотрел на Ивана. Немигающий взгляд Ивана Пересветова заставил «Доллара» отвести глаза. Он растерянно пытался понять суть происшедшего, но не смог постичь этого. И он снова взглянул на Ивана и спросил:

– Что ты сделал сейчас?

– Ничего, – ответил Иван.

– Нет, ты что-то сделал... Я не знаю, как объяснить... Хотя, догадываюсь... Ты ясновидящий? Экстрасенс? – «Доллар» изменился в лице.

Иван в ответ пожал плечами.

– Понимаю. Скромность, – продолжил «Доллар». – Но ты – от Бога. Ты... Я всё понял... Не надо было мне сюда приезжать. Надо же, – все люди разные.

– Просто есть вещи, которые невозможно отнять, – вдруг чётко произнёс Пересветов; и от этих слов «Доллар» слегка оцепенел... Он осознал нечто большее, чем шаблонная реальность и железный бизнес.

– Я это понял сейчас. Это просто и круто, – обескураженно произнёс «Доллар».

Он, резко выдохнув, открыто посмотрел на Ивана и заговорил с ним уже по-иному:

– Слушай, а как ты вообще живёшь тут? На что?.. Это ж надо, – в вагоне, один, без работы, без женщин...

– Сам не знаю. Наверно, согласно мечте...

– Да. Это что-то...

«Доллар» вдруг изменился в лице и с каким-то нарастающим азартом спросил:

– Хочешь – прокатимся?

И он бросил взгляд на свой крутой внедорожник.

– Хочу, – ответил Иван.

– Ну тогда поехали! – радостно выпалил «Доллар», не желавший более скрывать своих эмоций. – Поехали! Ату всех этих боссов!..

И они сели в машину «Доллара»...

Воспоминания растаяли в воздухе, реальность времени плавно проявлялась перед Виктором Долговым, всё ещё пребывавшим в оцепенении транса... «Доллар» отрешённо смотрел куда-то в пространство...

Тут Иван решил осторожно «вытащить» его из этого состояния:

– Витёк, ты где?

Виктор, придя в себя, обескураженно смотрел на Ивана. Он медленно и многозначительно заговорил:

– Ты знаешь, я сейчас увидел нечто... Вся жизнь – как на ладони... Неужели ты так повлиял на моё сознание?

– А чего тут удивляться-то? Ты ведь уже проходил всё это – возле вагона, при первой нашей встрече. Ты просто вспомнил всё это...

– Да, точно. И чего я тут удивляюсь? – растерянно сказал Виктор.

Возникла пауза. «Странно. Если Ваня погрузил меня в прошлое, то, наверное, он сможет показать мне и будущее?» – подумал вдруг Виктор.

– Своё будущее человек должен создавать сам, – внезапно произнёс Иван, в упор глядя на Виктора.

На несколько мгновений «Доллар» оцепенел... Затем он ошарашенно выпалил:

– Как ты узнал мои мысли?

– Так же, как и число с именем, – спокойно ответил Иван.

Виктор взглянул на Ивана и с восхищением высказался:

– Я конечно всё понимаю... Но ты – супермен, ты просто гений, не от мира сего...

– Это хорошо, – невозмутимо ответил Иван и, оглядевшись, неоднозначно добавил:

– Все люди на это способны, но не все знают об этом...

Виктор уставился на Ивана, словно нарвался на инока в облачении рокера...

– Ну что, пойдём? – всё так же спокойно сказал Иван.

– Да, пора, – спохватился Виктор.

И они покинули этот гостеприимный мистический бар, так много открывший Виктору Долгову по прозвищу «Доллар»...

Виктор Долгов, как и многие из его сверстников, прошёл суровую школу жизни. Один из тех, кто побывал в горячих точках и вдохнул порошу в полной мере, но оказался не у дел, – «за бортом жизни» – по выражению абстрактных гуманистов, он не впал в отчаяние и депрессию. Отвергнув шаблонные соблазны ресторанных вышибал, а также дутого маркетинга и прочего промывания мозгов, Виктор решил заняться реальным делом, приносящим доход. Можно сказать, что ему повезло. Он попал в надёжные руки. Всеволод Илларионович Венский не упускал подобных случаев, когда физическая неуязвимость, замешенная на крутом опыте судьбы, психологически накрепко связана с житейскими неувязками и сугубо материальной проблемой, словом – сочетаний сильных и слабых сторон человека, коими в полной мере обладал Виктор Долгов. Венский незамедлительно прибрал к рукам маргинала, в совершенстве владеющего боевым искусством Востока. Надо отметить, что Виктор был своего рода уникалом, он обладал прыгучестью пумы и реакцией кобры, что в совокупности с мастерством ведения ближнего и дальнего боя делало его смертельной стрелой для агрессоров и железным щитом для партнёров. Но основной задачей Витька «Доллара» по проекции Венского было культурное выколачивание долгов и «крышевых» налогов с состоятельных частных дельцов и торговых сообществ, чем он и начал успешно заниматься под тёплой опекой «предводителя» и в тесном содружестве с Бутовым и Пименовым. Вскоре по причине успешной работы Виктора, «Лютый» окрестил его «Долларом», – настолько он оправдывал данное прозвище. Виктор разбогател; он приоделся, остепенился, купил квартиру, приобрёл LandCruiser, и, в общем-то, не имел особых проблем. Что касается боеготовности «Доллара», то его боялся даже «Лютый». Он видел «Доллара» в работе дважды: один раз в спортзале и второй раз – в «разборке», и этого хватило «Лютому» на всю жизнь. Впервые он соприкоснулся с реальностью каратэ. Это вам не видео... Итак, Виктор Долгов был, что называется, под надёжной крышей, имел в руках всё необходимое, значился «крутым». Что же так резко его оторвало от всей этой надёжности? Что мотануло его в противоположную сторону от всего этого многозначительно монотонного мажора с его пьянящим и тоскливым беспределом?.. Жизнь – штука неуловимая; это только нам кажется, что мы управляем жизнью, нет, – скорее, она управляет нами; ведь не может же человек знать с полной определённой, что с ним будет, скажем, через неделю... Но если ты действительно хочешь управлять своей жизнью, то стань безупречным... Можно, конечно, и не вникать во все эти стратегии, а жить лишь сегодняшним днём. Однако есть непредсказуемость в этом мире брони и формата. Вот и Виктор по кличке «Доллар» не ожидал смятения под властью очей дивноволосого стойка в тёртой кожанке, когда впервые по указанию шефа совершил культурный «наезд» на живущего себе спокойно и тайно от всех поэта Ивана Пересветова. Это было странно, и всё же закономерно. Как мы уже упоминали, «Доллар», подъехав к вагону Ивана на своём «Крузере», с привычной непринуждённостью предложил бродяге поэту обратиться куда

подальше, – мест, мол, хороших в России много, да и столица полна приютов; а вагончик этот мы оприходуем для нужных обществу целей, в общем – коротко и ясно, а в противном случае можно и силу применить... «Доллара» остановил взгляд Ивана, – было в нём что-то обезоруживающее. Это был взгляд, который сильнее физического восприятия и грубой силы... Впервые Виктор почувствовал нечто более живое и мощное, чем просто слова или действия, нечто прошибающее насквозь и укрепляющее чувством какого-то беспричинного счастья, – счастья жизни, и недоступности никому вмешиваться в это чувство... Виктор принял в себя непостижимое... И это непостижимое вскрыло в нём какой-то внутренний тайный клапан, неведомый ранее, и мир, полный загадок и предчувствий, доселе дремавший, вдруг заклокотал, заиграл в душе Виктора, и он, переполняясь живительным тревожным восторгом, заговорил с Иваном на другом языке, – иначе; так говорят при попытке стать ближе... Так произошёл первый контакт Ивана Пересветова и Виктора Долгова. Это было духовно-эмоциональное действие, вылившееся в тайный разговор и цепкое знакомство двух людей противоположных сфер жизни, пересекшихся в неизбежности... Виктор узнал вкратце историю Ивана. Его просто потрясло то, с каким непоколебимым спокойствием и непрошибаемым самообладанием, отчуждённо от всех живёт человек в вагоне на отшибе, не зарабатывая на жизнь и, в общем-то, особо не задумываясь о завтрашнем дне и насущных проблемах, человек, просто пишущий стихи и что-то ещё драматически новое и жизненно важное. Да. В человека разумного – homo sapiens следовало бы внести поправку: человек творящий... Иван, в свою очередь, узнал от Виктора некоторые пережёлты его суровой и блудной судьбы, и это убедило Пересветова в своевременности внедрения «Доллара» в медитативно-творческое пространство Сознания. И с этого момента «Доллара» не стало, а миру явился новый человек с мощным творческим потенциалом – Виктор Долгов... Виктор порвал с Венским и его соратниками и ушёл в подполье. Он всё чаще стал заезжать к Ивану, получая от него жизненно необходимую информацию, книги, наставления по внутреннему совершенствованию и медитативной практике, духовную литературу и классику. Виктор был погружён в состояние счастья, свободы и силы, общаясь с Иваном. А сон, который он увидел как-то на рассвете, и вовсе перевернул всю его жизнь...

Виктору снилась какая-то странная, просторная местность, похожая на огромное пастбище, поросшее густой высокой травой, одним словом – бескрайняя равнина, и кругом – ни души; а сквозь это громадное поле проложена колея. И по этой колее едет шикарная светлая карета, запряжённая тройкой белых статных коней, а на облучке этой кареты сидит он – Виктор, и как-то отрешённо и грустно смотрит вдаль – на убегающую однообразную колею, но ощущение такое, что видит он всё вокруг, и также – тройку этих белых коней, плавно несущих его в неведомое... И в монотонном движении Виктору чудится бесконечная спокойная жизнь, и чувствует он умиротворение в этой странной, колыбелящей скачке среди безбрежной равнины, где нет ни души, где только он да тройка коней во всём этом диком заброшенном мире... И вдруг кони резко остановились и застыли как перед пропастью... Виктор глянул вперёд и увидел в небе над горизонтом большое огненно светящееся облако, словно зарево, вспыхнувшее в диком пустынном воздухе... Оно поднялось чуть выше и зависло, своим золотисто-волшебным сиянием притягивая взор Виктора... И тут тишину разорвали сотрясающие сознание звуки, – звуки вязкие, хлюпающие, чавкающие, всасывающие, – они сливались в отвратительный резонирующий хор хаоса и пронизывали душу насквозь... Виктор весь встрепенулся, – коней с каретой уже не было, и чудное поле преобразилось. И он увидел вокруг себя – сзади и по всей площади этой огромной равнины несметные толпы людей, и эти люди поочерёдно фатально проваливались в жуткую бездонную грязь, – сквозь землю, издавая при этом кошмарные чавкающие звуки. Травы уже нигде не было; чёрная вязкая почва, как роковая трясина, заглатывала людей... Несчастные, они благоговейно смотрели на спасительное золотисто-огненное облако, застывшее в небе, как бы пытаясь сорваться с места и ринуться по воздуху навстречу этому Сиянию, но трясина была сильнее, и они утопали в ней. Затем всё-

таки некоторые люди смогли оторваться от фатальной трясины, – они рванулись вперёд и их приняло светлое Облако... И понял вдруг Виктор каким-то невероятным чутьём: не поле то было, а временное безмятежное благополучие среди той безликой жизнеподобной иллюзии, что вначале казалась густевшей высокой травой... Виктор по-наитию возвысил взор к Облаку, и внезапно перед ним впахнули в небе два огненных слова: ВСПОМНИ СЕБЯ... Он всем своим существом подался вперёд... и оторвался от убийственной грязи... И тут он проснулся, объятый дыханьем рассвета.

Так Виктор Долгов начал новую жизнь. А после того, как в баре Иван Пересветов ввёл Виктора в транс, произошло ещё более крепкое их духовное единение. Они расстались, влекомые каждый своими делами, но пребывали в едином поле – в свободном контакте высшего уровня.

8. Взаимодействие времён

Между тем, дело близилось к вечеру, и всё живое таило в себе радость отдохновения. Этим предчувствием дышит всякий уставший. А потому – все дороги приводят к дому. И одна из них – самая верная. По этой дороге, а точнее, по узкой пустынной улочке в дыханье осеннего марева возвращался Иван Пересветов к своему родному вагону. Иван шёл не спеша и слегка отрешённо. Но что-то заставило его отвлечься от своих вещей дум...

Навстречу ему из таинственной дымки выплывала очаровательная девушка с глазами святой Эвридики. На ней был светлый элитный плащ и изящные полусапожки, которые мерно и вольно чеканили шаг в глубине тихой улочки. Иван зачарованно смотрел на эту пленительную незнакомку, невольно замедлив шаг и не в силах куда-то спешить... Она плавно прошла мимо Ивана, обдав его диким дыханьем пьянящего шарма и чего-то еще... Иван почувствовал лёгкое головокружение; все мысли смешались. И он обернулся, чтоб вновь уловить это чудо... Неожиданно девушка тоже оглянулась. Она бросила на него свой удивлённо-задумчивый взгляд, полный чуткой лазури, как бы что-то припоминая...

И они разошлись по своим направлениям, согласно потокам, слагающим судьбы; но что-то осталось в каждом от этой внезапной встречи, мимолётной и странной...

Миновав безмятежные задворки и туманный пустырь, Иван приблизился к своей обители на колёсах. Неподалёку дымилась, догорая, куча хлама в мусорной свалке. Иван вдруг увидел рядом со свалкой какого-то мальчика лет пяти-шести, бродяжьего вида. На нём было пальтецо не по росту, опоясанное верёвкой, затёртые брюки и башмаки с налипшей на них грязью. Мальчик ковырял ногой в свалке, изредка поглядывая в сторону пустыря, и опять склоняя свою светловолосую голову...

Иван посмотрел на ребёнка и невольно напрягся; его вдруг что-то всколыхнуло... А мальчик как-то печально взглянул на вагон и направился в сторону от свалки.

Иван осмотрелся, вздохнул и зашёл в свой вагон...

В квартире Пересветовых раздался щелчок дверного замка... Иван зашёл в квартиру.

Мария встрепенулась, оторвавшись от чтения, закрыла книгу и выскочила в прихожую – навстречу Ивану. Она припала к нему и тихо спросила:

– Ты чего так долго?

– Да задержались немного; дела там такие, да ещё презентация... Потом расскажу, – ответил Иван, обнимая супругу. – Ну как тут у вас?

– Всё нормально.

– Это хорошо, – улыбнулся Иван.

Он разулся, снял куртку. Супруги прошли в гостиную...

В гостиной они присели на диван. В другой комнате Андрей сидел за компьютером и что-то моделировал.

Иван спросил:

– А где Андрей?

– Я здесь, – раздался голос Андрея из соседней комнаты. – Символы активирую...

– Понятно, – сказал Иван, улыбувшись.

– Он у нас такой продвинутый, – заговорила Мария с восхищением. – Я даже не поспеваю понимать его...

– Ну, так уже школу заканчивает; время такое, – нужно быть продвинутым и умелым, чтоб постичь всё что нужно, – весело констатировал Иван.

– Правильно папа говорит, – раздался голос Андрея из комнаты. – Нужно постигать всё наперёд...

Мария улыбнулась и прильнула к Ивану, вымолвив:

– Наше дитя гениальное... Скоро в институт будет поступать...

Иван обнял её и произнёс:

– Да, время летит очень быстро.

Мария вдруг встрепенулась и произнесла:

– Что я сию-то? Нужно на стол накрыть. Я сейчас...

Она встала и вышла на кухню.

Иван зашёл в комнату сына и увидел на мониторе компьютера какие-то яркие объёмные символы, которые плавно меняли свои очертания и превращались в живые образы, это были образы живых существ, заполнявших пространство бескрайних садов... А над всем этим удивительным миром светились, пульсируя, буквы, и эти яркие буквы, соединяясь со своими образами, превращались в слова, слагая живую речь, – это была какая-то волшебная картина визуализации мира идей...

– Однако... Ну, ты просто меня удивляешь, – замороженно произнёс Иван, уставившись в монитор.

– Это ещё не всё, – сказал Андрей, продолжая своё виртуальное творчество. – Я потом тебе покажу окончательный выход... Но ты меня отвлекаешь, папа.

– Хорошо, не буду мешать, – сказал Иван и вышел из комнаты. Он прошёл на кухню.

На кухне Мария уже накрыла стол. Увидев вошедшего супруга, она выдохнула и сказала:

– Всё готово. Прошу к столу. Андрей уже ел, так что давай – догоняй...

Иван сел за стол, Мария – напротив. И он принялся ужинать...

Иван ел очень быстро, словно куда-то спешил, предчувствуя какое-то срочное дело.

– Устал? – спросила Мария.

– Да так, немножко; как-никак – презентация книги...

– Ну как у тебя насчёт проекта? Принимают?

– Да вот, ждём ответа... Вольнов документы оформляет. Так что, «на чемоданах сидим»... Вообще, нашу фирму уважают, – «Континент» как-никак.

Иван покончил с ужином. Мария поставила кружку с приготовленным чаем. Он отхлебнул чаю, улыбнулся и произнёс:

– Классно, – как в былые времена. Помнишь?

– Конечно, помню. Такое не забывается, – с какой-то печальной улыбкой ответила Мария.

– Да. Теперь всё по-новому... А чай – всё такой же, – задумчиво произнёс Иван, снова прикладываясь к чаю.

Тут зазвонил телефон. Иван взял трубку:

– Да, слушаю...

– Это Вольнов. Ваня, есть новости. Заедь ко мне в офис прямо сейчас, буквально минут на десять, – прозвучало на том конце.

– Сейчас буду.

Иван положил трубку.

– Что-то срочное?

– Да. Вольнов просит заехать. Я скоро буду.

Иван быстро оделся, поцеловал жену и ушёл.

Тем временем Алексей Вольнов поджидал Пересветова в своём офисе. Сидя в кресле, он потягивал ананасовый сок, просматривая какие-то официальные бумаги. Рядом – на диване с журналом в руках сидел его незаменимый водитель и друг – Сергей Крюков.

Наконец, появился Иван Пересветов. Вольнов оживился, положил перед Иваном на стол официальную бумагу с двумя печатями и кратким содержанием Проекта, выдвигаемого на предстоящий Симпозиум, и произнёс:

– Так. Ваня, распишись-ка вот тут...

Иван внимательно просмотрел текст, поставил свою подпись и задумчиво произнёс:

– Да, Париж – это хорошо...

Вольнов аккуратно уложил все бумаги в папку и задумался; а затем он вдруг взбудораженно высказался:

– Если они не подпишут Проект, я пойду на конфликт. Мне до фени их привилегии. Они по заграницам разъезжают и занимаются там всякой хренью; а тут – такое дело.

– Может, с «Интерфондом» связаться? – вставил Иван. – Они своё дело знают; взаимовыгодное сотрудничество, – стопроцентный шанс...

– Да это всё понятно. Но это же телега долгая. А тут раз – и «в дамках»... Послезавтра уже, кстати, должны делегаты в Париж лететь, – рассуждал Вольнов, озабоченно постукивая пальцами по столу. Затем он встал и начал напряжённо прохаживаться по офису...

– Ну и мы полетим, невозмутимо продолжил Иван.

Вольнов остановился, внимательно посмотрел на Пересветова и многозначительно изрёк:

– Понимаешь, Ваня, мы *должны* там быть. Дело в том, что уже многие контакты зарубежного уровня осуществляются через «Континент», а это значит, что в дальнейшем мы будем ставить условия, – те условия, от которых зависит процветание нашей культуры и будущее наших детей. Вот так... Тем более что финансирование всего этого мероприятия не обошлось без участия «Континента». Я не зря так напрягался и всё это затевал.

Тут Вольнов достал из стола бумагу с текстом, помеченным в отдельных местах, и приступил к детальному раскладу:

– И ещё. Тут – первичный анализ, «черновик», так сказать...

И он начал зачитывать отдельные пункты:

– Значит, так. «Взаимодействие времён – есть великая данность, не зависящая от объективной реальности»; это они под вопрос поставили. Дальше... Ага, вот: «Система. Любая система приходит к своему пику и самоуничтожается. Отсюда – вывод: система должна быть трансформирована в синтез несоединимых сил, имеющих свободу, но не имеющих конечной цели; отсюда – возникновение новой энергии... Адам и Ева не ведали смерти, но знали свободу; их грела Любовь». Здесь пометка – на продолжение... И еще: «Мыслеобраз преград не имеет» – здесь вопрос... Так... Дальше... «Любовь – это форма жизни, – особая энергия, не подверженная распаду...»

Вольнов вопросительно посмотрел на Пересветова...

Иван в ответ задал ему странный вопрос:

– Иваныч, ты когда-нибудь из пушки в небо стрелял?..

– К чему это ты? – слегка растерялся Вольнов.

– А к тому, что свет не продырявить...

– Точно. Твоя правда. И чего им не ясно в твоих идеях? Всё чётко, всё перспективно, и вообще – мощно всё, – с удовлетворением констатировал Вольнов, радуясь такому простому выходу из затруднительной ситуации.

– Наверное, их слегка напрягает некоторая самобытность, – слишком долго у нас заправлял всем Конвейер. Но сейчас – новое время. Нужно расширять сознание и раздвигать горизонты.

– Всё правильно, будем раздвигать эти горизонты, – подытожил Вольнов и взглянул на часы. – Ладно, разберёмся. Всё равно проект уже у них. Домой надо ехать.

– Ничего, Иваныч; я им ещё сюрприз приготовил, – интригуяще произнёс Пересветов, загадочно глядя на Вольнова.

Зная многообещающую непредсказуемость Пересветова, Вольнов не стал задавать лишних вопросов; он только сказал:

– Вот и отлично. А теперь – сил набираться.

– Едем, Иваныч? – оживился Крюков.

– Да. Поехали.

Он убрал папку с документами в стол и направился к выходу. Вместе с ним последовали и Пересветов с Крюковым.

Через несколько минут белый «Мерседес» отъехал от служебного входа с массивной вывеской «КОНТИНЕНТ»...

Вечерние улицы Москвы казались волшебными в калейдоскопе яркой вечерней иллюминации, и эта световая игра вселяла мир и покой в души чутких людей, наполнявших столицу. Белый «Мерседес» набирал скорость, мягко лавируя в горячем дорожном потоке...

Внезапно Крюков сбавил скорость, увидев впереди активно «голосующего» человека, и затормозил. Вольнов приоткрыл дверцу и хотел было спросить – куда ему нужно; но тот его опередил:

– Умоляю, в Медведково отвезите! У меня там – жена и маленький ребёнок!

В его голосе звучала мольба и какая-то страстная надежда, а глаза полыхали болезненным жаром избыточных чувств.

«Странный тип...» – подумал Вольнов. Он снисходительно произнёс:

– Ну садись.

Пересветов приоткрыл заднюю дверцу и подвинулся влево. Оголтельный попутчик сел рядом с ним, захлопнул дверцу и облегчённо выдохнул:

– Поехали.

«Мерседес» тронул с места и стал набирать скорость...

Иван с некоторым удивлением посмотрел на странного пассажира, по-фирменному одетого и тяжело дышавшего. Похоже, он действительно куда-то очень спешил. А пассажир этот вдруг вытащил из кармана упаковку денег, пистолет и электрошокер, и всё это буквально сунул Ивану, одновременно выпалив:

– Умоляю, исключительно в знак благодарности, от чистого сердца! Не откажите...

Иван ошарашенно глянул на этого диковатого пассажира с шизоидными замашками и положил рядом с собой на сиденье всё, что тот ему так лихо вручил.

А взволнованный пассажир продолжил:

– Меня обманули... Я не помню, откуда всё это... Я, наверное, болен... Мне нужно к жене, к ребёнку. Умоляю, – в Медведково...

– Брат, не волнуйся; сейчас доставим, – спокойно произнёс Крюков и прибавил скорости.

Иван Пересветов задумался...

Между тем, в квартире Пересветовых Андрей уже закончил своё уникальное творчество и отдыхал, пребывая в краю волшебства сновидений. Мария же смотрела телевизор, слегка убавив звук. В эфире началась программа новостей.

С телеэкрана женщина-диктор сообщала:

– Сегодня утром на Юго-Западе Москвы, – близ кольцевой автотрассы работниками внутренних дел обнаружено большое количество бесхозного разнокалиберного оружия, брошенного рядом с дорогой, – в кювет. Очевидно, кто-то решил таким образом расстаться со своим прошлым. Всё оружие отвезено на Центральный секретный склад и опечатано. Ведётся расследование...

Раздался щелчок входной двери... Мария, встрепенувшись, выскочила в прихожую...

Иван зашёл в квартиру, в объятия ему бросилась Мария. Он поцеловал её; затем разулся, снял куртку, и они прошли в гостиную.

– Странные вещи у нас происходят, – ненавязчиво бросил Иван, садясь на диван.

– Ой, Ваня, ты знаешь, сейчас передавали по телевизору в новостях, что где-то за кольцевой нашли целую кучу выброшенного оружия, – взволнованно выпалила Мария, усевшись рядом с супругом.

– Вот я и говорю – вирус, – многозначительно произнёс Иван.

– Точно. Тот самый вирус, – отрёшенно добавила Мария.

Иван посмотрел на супругу, пребывавшую в задумчивости, вздохнул и добавил:

– Ну как тут у вас?

– Нормально. Андрей спит уже. Умаялся за день. Пойдём пить чай.

– Пойдём.

Они пошли на кухню.

Пока Мария заваривала чай, Иван задумчиво смотрел в окно...

Город светился феерией вечерних огней. И даже в серых сумрачных переулках сквозило дыхание новых времён. Улицы и проспекты таили новые свежие чувства, и люди свободно и радостно плыли по этим потокам пленительной силы...

В эпицентре одного из таких потоков, возле подземного перехода, сидел понурый седой человек в затёртом пальто и со шляпой у ног, в которую клали деньги щедрые люди. Это был Всеволод Илларионович Венский. Он смотрел куда-то в пространство безучастно и скорбно, с какой-то щемящей печалью покачивая головой в знак благодарности...

В это время в одном из экспериментально-авангардных театров столицы – в комнатке, обклеенной яркими афишами, постерами и коллажами, сидел за столом озабоченный человек зрелых лет, одетый в блестящий костюм и рубаху с отогнутым воротом, под которым элегантно ютилась косынка. Это был идейный руководитель театра «Антерпренёр», его арт-директор и вдохновитель; а звали его Семён Аркадьевич Безлобов. Семён Аркадьевич постукивал авторучкой по столу, загруженному бумагами, напряжённо что-то обдумывая...

Телефонный звонок вырвал его из дум; он схватил трубку и почти прокричал:

– Алё!

– Семён? Это Николай, – прозвучало на том конце. – Завтра вылет!

– Это точно? – обрадовано спросил Безлобов, меняясь в лице.

– Точней не бывает. Готовь «визитки» и пьесу; желательнее – в дубле. Завтра утром созвонимся.

– Отлично! Сейчас всё сделаем. Спасибо, брат; порадовал. Наконец-то. Ну, до завтра!

– До завтра.

Семён Безлобов положил трубку и с упоением принялся готовить «визитки» и копию пьесы для предстоящей работы...

В квартире Пересветовых тем временем супруги уже попили чаю со свежей выпечкой и занялись своими вечерними делами.

– Надо бы мне тут ещё кое-что проштудировать, – произнёс Иван, садясь за свой рабочий стол.

– Хорошо, – ответила Мария.

Она взяла с полки свою любимую книгу и пролепетала:

– А я ещё немножко почитаю...

И она уютно устроилась в мягком кресле с раскрытой книгой в руках...

9. Секретная стратегия

...Иван оторвался от рукописи и вышел из своего вагона. Он вдохнул полной грудью вечерней прохлады, блаженно прикрыв глаза и что-то нашёптывая... Затем встрепенулся и осмотрелся... «Как странно устроен наш мир. Всё рядом, и в то же время – всё врозь...» – подумал Иван, глядя на жилые дома, что виднелись за пустырьём. Он зашёл в вагон и принялся готовить ужин. Иван аккуратно выкладывал купленные продукты, мысленно благодаря «Доллара» за такую своевременную материальную поддержку...

В это время в Центре «Гуманитарий» Всеволод Илларионович Венский очнулся от дрёмы в своём кабинете, услышав сигнал связи. Венский нажал клавишу на пульте и произнёс:

– Слушаю...

– Всеволод Илларионович, у нас – водные процедуры, – сообщил женский голос.

– Да-да; занимайтесь, – лаконично ответил главный. Он тут же включил компьютер и дополнительный монитор, на котором обозначился бассейн «Гуманитария» с плавающими в нём весёлыми клиентами...

В бассейне резвились завсегдатаи «Гуманитария». Чистейшая вода вздымалась от бултыхавшихся в ней пловцов и пловчих, играя сине-зелёной волной. Веселей остальных был киношник Макс; он то и дело кувырчался, нырял, подзадоривал приятелей. Улучив момент, Макс продемонстрировал куртуазный реверанс в воде – прямо перед Светланой Стекловой, при этом выпалив:

– Мадам, – всего один лишь танец! Не откажите!

– Не откажу! – весело воскликнула Светлана.

– Маэстро, вальс! – прокричал Макс.

Кто-то врубил магнитофон. И грянул вальс...

И Макс со Светланой принялись вальсировать, загребая воду телами, мерно раскачиваясь, но филигранно удерживаясь на поверхности... Все кругом пришли в восторг и решили последовать их примеру...

В этот момент вода в бассейне усилила вибрацию, исходящую от чувств плавающих людей, которые пребывали в состоянии эмоционального всплеска; и секретные сканеры бассейна её приняли, трансформировав в электронные данные...

Венский пристально смотрел в монитор компьютера; он зафиксировал новые параметры и компьютер ответил: ОК. Затем он расширил карту; на мониторе возникла замысловатая схема с цветными координатами. Венский внёс в эти координаты новые данные, трансформированные датчиками бассейна, и изображение стало «живым»... Он тут же сохранил всё это в файле и с удовлетворением закурил...

Тем временем, Иван Пересветов уже закончил свой ужин. Он ещё раз вышел на воздух, постоял немного, перекурил... Затем он зашёл в вагон и, закрыв тяжёлую железную дверь, прошёл к своему столу... Он посмотрел на раскрытую рукопись, вздохнул и усталое упал на диван, не в силах ни о чём больше думать. Иван, блаженно потянувшись, сомкнул отяжелевшие веки...

И опять понесло его в дивном поезде по-над бездною в тёплый бархатный край с вечным солнцем и морем, с другом Мишкой, пьющим чай в тихом странном купе и мечтательно с ним говорящим...

В уютном купе на столике всё так же стояла свеча в канделябре. Рядом стояли стаканы с чаем.

«Странно... Свеча всё так же горит, как будто и не плавится, – подумал Иван, глядя на горящую лампаду в канделябре.

Он глянул в окошко и вымолвил:

- Да, здесь уже теплее...
 - Ближе к югу... Ещё немного – и будем на месте, – отозвался Мишель.
 - Что-то странно как-то всё выглядит... – произнёс Иван, продолжая смотреть в окно.
 - Действительно, странно... Однако... Похоже на какой-то затяжной туман, – с удивлением вторил Мишель, глядя туда же.
 - Это наша дорога, – путь по прямой, – задумчиво продолжал Иван.
 - Точно сказал, – ни влево, ни вправо, а только вперёд.
 - Пора укладываться. Во сне время быстрее идёт, – заключил Иван и откинул своё одеяло.
- Друзья улеглись по своим полкам.
- В непроглядной ночи лишь пульсировал стук одичалых колёс. Поезд мчался с неистовой скоростью.
- Всё застила дымка...

10. Ковчег Провидения

Наступило утро. Иван открыл скрипучую дверь вагона и некоторое время стоял, полусонно вдыхая утреннюю прохладу... Он потянулся и опять зашёл в вагон...

Надо сказать, что изнутри это был не совсем вагон. Это был некий стихийный шедевр мастерского антиквариата, это было спонтанное сочетание Ренессанса, Просвещения и авангарда, невероятное переплетение стилей искусства времён Леонардо и Екатерины, где интро-спективно доминировал Дали и над всем этим звучал Бах в непостижимой интерпретации Шнитке... Музыка ощущалась сразу при входе в салон вагона. Каждая вещь мало-мальски значимая имела свою историю, свою тайну. Это была магия вещей, картин, барельефов, аксессуаров, репродукций, оттисков, кукол, рукописей, бытовой утвари. Это была переключка душ, обнажавшая вселенскую полифонию идей и образов, где безумно и неуловимо трепетала свобода. Одним словом, это был театр шедевров...

В углу тамбура, обшитого обожжённым деревом, стоял патриархальный уличный фонарь эпохи Декаданса, а в переборку было впечатано большое овальное зеркало в резном багете, над которым пёстро пылали икебаны, росшие прямо из переборки, весело крича о неистребимости жизни. Из другого угла торчали застывшими искрами массивные шпоры а-ля Людовик, служившие вешалкой. При входе в салон взгляд невольно бросался в противоположное объёмное зеркало, что создавало эффект пространства. Над ним барельефный Купидон готовил стрелу Психее, а рядом – в верхнем углу по замыслу Дали летел на кресте Иисус святого Иоанна; под ним пылала фантасмагорией одна из репродукций Босха, а меж Купидоном и картинами стояла большая невинная кукла с раскинутыми руками, всем своим видом принимавшая гостей в разговор фантастического театра. Неподалёку высился массивный тройной канделябр с высокими свечами, и из каждой свечи тянулся ввысь оранжевоогненный тюльпан. Слева вверху громоздилась в натуральную величину бутафорская голова орангутанга, расплывшись в добродушной улыбке, а напротив – ей отзывалась изящная птица Феникс с сияюще живым оперением, как бы вырываясь из стены, обугленной по контуру птицы. Под головой орангутанга зияло окно, прорубленное во встроенной перегородке и служившее для подачи пищи и кофе, создавая тем самым комфорт авангардного бара, а за перегородкой находился громоздкий камин кустарной работы; сбоку от него был втиснут причудливый стол на колесах, на котором громоздилась посуда и кухонная утварь. Чуть дальше стояла небольшая электроплита. Противоположная сторона бара была отмарморирована и заставлена феерическими картинами вперемежку с коллажами и забавными гротесковыми фигурами. Прямо из пола торчала огромная пепельница, напоминавшая полый пенёк, рядом стоял манекен с простёртой рукой, как бы указующим жестом рекламируя этот диковинный аксессуар, а у ног манекена лежала перевёрнутая широкополая шляпа. Тут же находилось роскошное кресло времён Екатерины, в затёртом бархате своём хранившее чуткий дух Просвещения. Слева от входа стоял массивный кожаный диван, перед ним располагался стол с ноутбуком и принтером, рядом лежала кипа рукописей, а в глубине стола отрешённо горела свеча в канделябре, ненавязчиво совмещая живое пламя с электрическим освещением. В углу громоздились книги. Над диваном – возле экспромтной кулисы монотонного штофа высилась патриархальная икона эпохи Рублёва – Богоматерь с младенцем, а чуть в стороне от неё висела странная картина с изображёнными на ней растерянными людьми, заблудившимися в снежную пустыню. Над ней висел на цепи натуральный медный колокол, потемневший от времени, а рядом приспособились оригинальные настенные часы с волшебным звенящим боем. Причём, в салоне вагона не было ничего, что напоминало бы о железнодорожном транспорте, за исключением нескольких окон, необходимых для жизни. Весь салон в своей экспрессии экстравагантно-пленительного антуража таил великую силу Единства, обнажая свободу от пепла до звёзд и ввергая уставшую душу в блаженство

и радость Вселенской игры; и входя в этот мистический вагон, можно было смело сказать, что попадаешь в иное измерение. Это была эйфория...

Кроме всего вышеупомянутого здесь была даже своя ванная, отделанная кафелем, с русалкой в нише стены, изящно державшей кран, а также – отдельный уютный кабинет с книжными полками, журнальным столиком и двухъярусной кроватью. Невольно назревает вопрос: откуда такое богатство этого непостижимого антуража? Что стоит за всем этим?.. Постараемся ответить. Этот уникальный железнодорожный вагон был списан и отдан строителям и притаранен ими сюда на период долговременной новостройки. Удивительно то, что вагон этот пришёл с завода таким беспосадочным; и строители оборудовали его изнутри, сделав пригодным для жизни, – соорудили ванную, кабинет, камин с перегородкой и всё прочее. Они подвели воду, подключили отопление и электричество. Через некоторое время к ним подселился один приезжий художник, не имевший угла; именно он и заполнил салон вагона всей этой стихией композиций и импровизаций, отчего сами строители были в восторге. А уже потом появился Иван Пересветов... Можно сказать, всё произошло случайно; но в любой случайности есть закономерность. Не умри осёл – не побил бы Самсон филистимлян. Иван познакомился с этим художником в обыкновенном прокуренном баре на Маросейке, куда он забрёл расслабиться за чашкой кофе. Есть взгляды, которые притягивают. Таков был взгляд Ивана, когда кудрявоголовый незнакомец в стильном пальто и экстравагантном шарфе, оказавшись с ним за одним столиком, спросил – не интересуется ли тот антиквариатом. Иван, в свою очередь, осведомился, нет ли у него знакомых в роду Медичи. Таким образом, разговор вылился в обоюдохваткое знакомство, после чего Веня (так звали художника) увёз Ивана в свою обитель на колёсах, приютив странствующего поэта... Художник этот давно получил признание и жил в отдельной квартире, оставив этот дивный вагон со всеми его аксессуарами поэту Ивану Пересветову. Уместно отметить, что и Ваня приложил руку к декоративному спектру театра феерии. Так, например, свечи, «горящие» тюльпанами, являлись его творением, так же как и режиссура некоторых композиций. Как раковина хранит шум моря, так этот вагон хранил в себе дух Вселенной...

Иван окинул взором свой ковчег Провидения, посмотрел на стол с рукописями, и принялся заваривать кофе...

Вообще, Иван Пересветов был человеком не от мира сего. Ему было свойственно состояние одиночества, – того сладостно творческого уединения, каковое является уделом всех богомазов искусства. Но одиноким он себя считать не мог. Он попросту стёр грань между собой и миром и растворился в нём, а потому – он как бы и не существовал для мира; но зато сам мир трепетал в сердце Ивана. Он принял в себя мир... Познай себя – и ты познаёшь Вселенную, – таков закон мастера. У Ивана были свои странности, являвшиеся необходимым психологическим компонентом его трансцендентно-бродяжьей личности. Он, например, носил длинные – ниже плеч волосы и любил подолгу не бриться, что обнажало медитативный уклад его стоической природы, а сам он ощущал в себе гармонию и некоторую внутреннюю защищённость от вероломной непосредственности и верхоглядного самодовольства. Аскетический вид дополнял суть Ивана, приводя в равновесие долг и свободу. Некая загадочность человеческого существования высвечивалась в его бездонно голубых глазах с лёгким туманом печали. Иван сам ощущал в себе тайну. У него, например, была странная родинка, напоминавшая мету, чуть ниже груди. Иван периодически вспоминал о ней, но ничего конкретного уяснить не мог, отдаваясь воле Провидения... Кому что предназначено, куда судьба не закинет. Уроженец Сибири, он пришёлся не ко двору круговерти столицы. Да, нелегка жизнь поэта... Ивана щемили воспоминания. За десять лет скитаний он прожил, казалось, несколько жизней... Конечно, можно было всё бросить и уехать домой – в свою родную обитель под Новосибирском, но он из принципа не уезжал из Москвы. Он чувствовал нечто неизмеримо важное, что должно было скоро произойти согласно его интуитивному восприятию. С некоторого вре-

мени Ивану открылась тайна мироощущения, он проник в суть вещей... Он мог, например, безошибочно определить, не заглядывая в книгу, нужна она ему или нет; он знал, где находится необходимая ему вещь; он слышал эхо музыки после её звучания; он определял время, не глядя на часы; чувствовал боль до уха, интуитивно предопределял событие; по наитию шёл туда – куда нужно; порой он слышал мысли людей... Иван периодически видел вещие сны; он называл их «живыми». Бывали моменты, когда он не успевал осознать информацию, внезапно проникавшую в него, записывая отдельные – наиболее важные фрагменты, после чего интуитивно связывал их и дополнял, пребывая в блаженном уединении. И ещё Иван научился управлять своей энергией... Всем своим существом он чувствовал свою принадлежность к Вселенной, и так же остро он ощущал грань жития и отчаяния, разверзавшего бездну драмы. В последнее время Иван работал на износ. Он жил поэзией, одновременно писал прозу, параллельно работал в драматургии. Словно актёр, играющий сам себя, он жил в театре своего вагона, не имея сил остановиться, затормозив бег судьбы; жил своей фантастически реальной ролью, вышибая из рамок имидж бытия, боготворя околоток безлюдного счастья, единственно дающего силы жить и творить, храня в себе своё Небо... Иван ушёл от суеты. Чтобы возвысить жизнь, нужно отказаться от неё, чтобы создать шедевр, нужно отречься от мира. Вот она, дверь, распахивающая Сердце... И Иван работал. Что касается стихов, то они витали над ним, и Иван ловил их и укладывал на бумагу, попутно редактируя; проза же – требовала кропотливости и усидчивости, это был титанический труд, это было испытание смирением... И ещё было испытание неизведанностью; у посвящённых это называется – «испытание Водой», – когда нет опоры и поддержки, зная Истину, суметь удержать её в себе, пронести по жизни, невзирая ни на что, не сломаться и, тем самым, закрепить её в своей крови огнём Духа...

Иван принял это испытание в полной мере, самозабвенно слившись с этим грозным и вещим потоком...

Итак, Иван знал своё предназначение, свой путь, свою судьбу. И теперь, озаряемый дымно-золотистыми лучами осеннего рассвета, он сидел за своим столом в предвкушении новых событий. Его грела мечта, потрясая и нежа, срывая покровы с последних сюжетов великой игры под названием Жизнь... Ну как тут не пить? Иван не спеша пил кофе, что-то намурлыкивая себе под нос... Затем он встал и подошёл к окну.

– Благодать... – слетело с его уст.

Иван рванул вниз массивную ручку выдвижного стекла, и в окно ворвался пьянящий осенний воздух, напоённый туманом и радостным щебетом птиц. Этот неистовый шквал веселил, вызывая улыбку... Иван весело прищурился и произнёс:

– Вот заливаются... Надо же...

Его вдруг осенило... Он быстро метнулся к столу и, взяв ручку, записал, одновременно себе надиктовывая:

– В небе движение птиц,
Мир открывает сердца;
Воля не знает границ,
Свет не имеет конца...

– Так-так... Однако, жизнь продолжается, – слетело с уст Ивана. Он подошёл к столу, сел и начал записывать то, что навеяло ему утреннее вдохновение...

11. Ветер свободы

Осенний ветер разносил опавшие листья, кружа ими, словно играя, прощальным азартом желая утешить уставшие души. И Культурно-оздоровительный Центр «Гуманитарий» выпускал на свободу своих постоянных клиентов.

У парадного входа стояли, балагурия, Алексей Вольнов и Сергей Крюков. Рядом монументально стоял манекен в шляпе с квадратом картона на груди с крупной надписью: SOS!

Вольнов хмуро смотрел на манекен, явно желая придумать что-то новое, веселящее душу... И он заговорил с манекеном:

– Скушно тебе тут стоять. И шляпу свою я отдал тебе... И всё равно ты не весел...

– Ему бы сплясать что-нибудь... или спеть, – для сугреву, – предложил Крюков.

В этот момент из парадной вышел Венский; он бросил взгляд на манекен со странным плакатом.

– Да уберите вы этого идиота! – выкрикнул «предводитель».

В ответ Вольнов сдул «пыль» с манекена.

Главный, махнув рукой, продолжил свой путь.

– Мы скорей тебя уберём, – произнёс Вольнов.

– Ну что, Иваныч, едем? – спросил Крюков с улыбкой.

– Да, пора. Сегодня дел невпроворот. Как у тебя с бензином?

– Полбака есть; а там заправимся.

– Окей. Вперёд!

Они прошли к своей «Вольво», стоявшей с торца здания. Венский напряжённо глянул им вслед... Вольнов с Крюковым сели в автомобиль и уехали...

А возле вагона на отшибе Иван наслаждался щебетом птиц, присев на подножку вагона...

Он задумчиво произнёс:

– Да; жить бы как птицы...

Затем Иван встал, закрыл вагон и ушёл.

12. Поэзия и редакция

Тем временем в одной из столичных редакций, а именно – в редакции журнала «Шанс», – в кабинете редактора отдела поэзии происходил оживлённый и бескомпромиссный диалог двух людей, являвшихся коллегами и приятелями. Один из них был Семён Безлобов – профессиональный литературный критик, редактор отдела поэзии, человек беспристрастный и строгий в своём подходе ко всему новому в литературной деятельности. Другой человек – Григорий Вязов, интеллектуал средних лет с глубоким проницательным взглядом и манерами адвоката был заместителем редактора. Оба были одеты в костюмы и оба были слегка небриты, хотя выглядели очень свежо и бодро. Семён Безлобов, вглядываясь в имя и фамилию автора на титульном листе рукописи, только что полученной им от Григория Вязова, изменился в лице. Он бескомпромиссно и с лёгким неврозом произнёс:

– Пересветов?.. Гриша, ты кого печатать собрался?.. Это же вещун. На него досье было, – чудом уцелел.

– Вот дела... А что там такое? – озабоченно произнёс Вязов.

– Я думал – ты знаешь, – ответил Безлобов с тихим упреком. – Да долгая история. В общем – опубликовали его как-то... Давненько, правда... Потом всех напрягли.

Григорий Вязов удивлённо посмотрел на коллегу и высказался:

– Так сейчас же – кругом свобода, – всё можно, хоть на ушах стой. Даже психов выпускали...

– Ага. Одних выпустили, а других запустили, – вымолвил Безлобов скептически. – А за Пересветова я маяться не хочу. Он мне по тем временам надоел. Во как!

И он сделал характерный жест рукой поперёк горла.

– А что там было? – поинтересовался заинтригованный Вязов.

Безлобов вздохнул и принялся излагать:

– Да как тебе сказать... Ну, вроде бы человек о любви пишет, вроде бы всё безупречно и образно. Но между строк... Это какой-то мощный импульс воздействия... Мастер своего дела, надо сказать...

Он задумался, глядя в пространство, затем глянул на Гришу и завершил:

– Понимаешь, его слова каким-то образом сбываются... А это, знаешь ли, чревато...

Вязов растерянно посмотрел на Безлобова, потом – куда-то в сторону; затем он взял со стола ещё листы со стихами Ивана Пересветова и произнёс с ноткой замешательства:

– Да... Вот так дела. Что ж... На вот – посмотри ещё...

И он протянул Безлобову другие листы со стихами Ивана Пересветова.

– Не знаю, Гриша... – скептически произнёс суровый редактор, бегло прочитывая стихи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.